

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Древнее хобби

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Древнее хобби

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Древнее хобби / М. С. Серова — «Научная книга»,
2010 — (Мисс Робин Гуд)

Хозяин колбасного завода Епифанцев отказался заплатить Игнату Ремезову за пруд, который тот для него сделал. В итоге фирма Ремезова обанкротилась. На этом беды враз обедневшего Игната не кончились: с его беременной женой случилось несчастье, ребенка она потеряла. И, похоже, здесь тоже не обошлось без чьего-то злого умысла. Полина Казакова, известная в городе как Мисс Робин Гуд, берется помочь отчаявшемуся Ремезову. Для этого она устанавливает слежку за Епифанцевым, в ходе которой выясняет, что тот обманул не только ее подопечного. Ну не жить теперь сладко и спокойно подлецу и пройдохе! Мисс Робин Гуд не зря носит свое легендарное имя!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марина Серова

Древнее хобби

Глава 1

И все-таки это стало для меня наркотиком. Не хобби, даже не чем-то необходимым, а именно наркотиком. Так и тянет доставать всяких мерзавцев, которые благодаря положению или деньгам уверовали в свою безнаказанность и вседозволенность. Так и хочется доставить себе удовольствие – дать этим самоуверенным наглецам по физиономии. Если уж не в прямом смысле, так хоть в переносном.

Четырнадцать лет назад, когда мои родители погибли по вине пьяного прокурора, сумевшего тогда выйти сухим из воды, мы с Аришей ничего не смогли сделать. Доказать вину убийцы не представлялось возможным. Но спустя почти полтора десятилетия я сумела так отомстить прокурору и его водителю, бывшему тогда с ним, что мало им не показалось. Причем я сама оказалась как бы ни при чем. С тех пор лавры Робин Гуда не дают мне покоя, а пьянящее чувство мести толкает на новые подвиги.

Ариша – это мой дед, Аристарх Владиленович. Ему почти семьдесят, но он полон сил и энергии. Страстный любитель казино, необычайный интриган и артистичная натура. Мы живем вдвоем в большом доме в коттеджном поселке.

Четырнадцать лет назад, когда мы остались вдвоем, дед взял заботу обо мне на себя, отдал в элитную школу с углубленным изучением иностранных языков. Потом я поступила в только что открывшийся в нашем городе вуз на самый престижный юридический факультет, после чего какое-то время доблестно трудилась на благо Родины на кирпичном заводе в должности юрисконсульта.

Отомстив прокурору, в скором времени я ушла с этой «престижной» должности, так как поняла, что работать под чьим-то «чутким руководством» с восьми до пяти – не для меня. Наверное, у меня обостренное чувство справедливости: пройти равнодушно мимо преступника, избежавшего наказания, я просто не могу. Если закон оказывается бессилем, это не значит, что нет других вариантов. С тех пор я занимаюсь тем, что, как доблестный рыцарь Робин Гуд, воздаю негодяям по заслугам. Конечно, мне приходится рисковать и порой даже поступать не совсем законно, но мое юридическое образование дает мне представление, как самой не угодить за решетку. Как говорится, незнание законов не освобождает от ответственности, а вот их знание как раз наоборот.

Конечно, я работаю не одна, во многом мне помогают мои друзья и близкие люди. Что бы, например, я делала без помощи Ариши. У деда такие связи! И не только в мире честных и законопослушных граждан.

А моя подруга Нечаева Алина! Трудно найти более деятельного и активного человека в нашем городе. В противовес мне, любительнице посидеть с книжкой у камина или поваляться на диване, Алина, подобно вечному двигателю, постоянно находится в движении. Она участвует в различных акциях протеста, стоит в пикетах, записывается на всевозможные курсы... У нее такой мощный заряд жизненных сил, что их с лихвой хватит на целый отряд миротворцев.

Алина может позволить себе не работать. Ее мама, выйдя замуж за богатого итальянца, живет за границей, время от времени поддерживая дочь в финансовом плане.

Еще один мой приятель – журналист Антон Ярцев. Он работает в местной газете «Горовск сегодня». Надо сказать, что наши отношения с Антошей действительно приятельские и не более. За рамки дружеско-деловых они никогда не выходили и вряд ли когда-нибудь выйдут. Профессия частенько обязывала его присутствовать на всевозможных молодежных

тусовках или фуршетах. Иногда по его просьбе я составляла ему компанию, и ни один из нас не расценивал это как выражение особой симпатии. Я иногда обращалась к Антону со своими просьбами, и он с удовольствием на них откликался.

В тот день Ариша пришел поздно, впрочем, как обычно. Точнее сказать, он явился под утро. Я давно привыкла к ночному образу жизни моего предка и почти не реагировала на это, лишь время от времени напоминая деду о необходимости думать о своем здоровье. Утром, за завтраком, он непривычно долго мешал сахар в своей чашке, не притронулся к хрустящим хлебцам, а потом вообще опрокинул молочник, и по столу растеклась белая сливочная лужа.

– Ариша, давай колись, ты проиграл вчера в покер? – не выдержала я.

– Полетт, я не был вчера в казино, – отмахнулся дед.

Вот это номер! Если бы дед сказал, что съездил за ночь в Париж и вернулся обратно, я удивилась бы меньше.

– А где же ты «променадил» до половины четвертого утра? Уж не у дамы ли сердца?

Дед посмотрел на меня с укором.

– Я похож на старого ловеласа? Нет, я был вчера в гостях у моего давнего приятеля, Евгения Матвеевича. Были еще трое наших знакомых... Мы так хорошо посидели, «уговорили» пару бутылочек коньяка... Ну, организовали, конечно, партию в покер...

– И?..

– Что «и»?

– Ты проиграл?

– Нет, Полетт, я выиграл. Мелочь, конечно, мы ведь играли в «дро-покер», больших ставок не делали, это же так, домашний вариант, пятикарточный стад.

– Так ты расстроился из-за этого? Хотел отхватить большой куш, а получил маленький?

– Дело не в этом. Один из гостей рассказал весьма печальную историю своего близкого друга, Игната Ремезова. У него свое дело, он устанавливает бассейны и искусственные водоемы. Порядочный человек, хороший парень. Да и семьянин тоже: у него молодая жена, которую он очень любит.

– Кажется, ты уже упоминал когда-то это имя.

– Верно. Это ведь и мой знакомый. Правда, я не знаю его так близко, как рассказчик, но тем не менее всегда неприятно, когда страдают хорошие люди, да еще незаслуженно.

– И что же случилось с этим хорошим парнем?

– Игнату, а точнее, его ООО «БИП» заказал пруд во дворе своей большой фазенды владелец колбасного цеха нашего городка. Это некто Епифанцев Игорь Дмитриевич. У него прекрасный загородный дом в нескольких километрах от города, в деревне Полянка. Живописнейшее место, скажу я тебе! Кругом лес, луга, даже небольшое озерцо есть за деревней. Там, говорят, водятся такие карасики!.. А в лесу – грибы: лисички, сморчки, подосиновики...

– Ариша, подожди. Подосиновики – это, конечно, замечательно, но суть-то в чем?

– А, так вот. Этот Епифанцев выкупил за деревней большую площадь. Уж не знаю, сколько там земли, говорят, гектаров десять, не меньше. Построил огромный трехэтажный дом, знаешь, как барские усадьбы на старинных полотнах. Разбил около дома парк с фонтаном, ну там ели голубые, туя, каштаны, еще какая-то экзотика... И захотелось его величеству личное озеро. Чтобы не в деревню ходить на лилии и кувшинки любоваться, а чтобы прямо, так сказать, под окном. Идешь по парку среди елочек и – нате вам! Водоем со всеми атрибутами, ходи, любовайся на ровную гладь воды, отражающую голубое небо...

– Ариша, с чего это тебя потянуло на лирику?

– Да, Полетт, ты права, все это лирика. А сейчас начнется суровая проза жизни. Дело в том, что, когда Епифанцев с Ремезовым составляли договор на этот злосчастный пруд, они договорились, что заказчик никакой предоплаты делать не будет. Обычно Игнат брал пятьдесят

процентов на материалы и только тогда начинал работу. Но директор колбасного цеха убедил его, что заплатит сразу, как только пруд будет готов, дал честное благородное слово, причем в присутствии свидетеля – своего главного бухгалтера. Ремезов поверил ему, закупил материалы и начал работать. Загнал на территорию экскаватор, вырыли котлован...

– Дед, подожди. Так, кроме честного слова Епифанцева, ничто не подтверждало его готовность платить?

– Нет, в договоре, насколько я знаю, так и было записано: оплата по окончании работ, или что-то в этом роде.

– Насколько я знаю, серьезные предприниматели так не поступают. Это рискованно. Сначала берут предоплату, чтобы на эти деньги купить материалы и только потом начинают производство работ. В таком случае исполнитель рискует меньшими деньгами...

– Да, Полетт, ты права. Игнат, кажется, всегда так и делал.

– Напрасно твой Ремезов согласился на такие условия.

– Он и сам потом об этом пожалел, но что делать! В то время он был без работы, искал объект. Его рабочие сидели без дела, надо было что-то срочно решать. А тут подвернулся заказчик, да еще какой! Пруд таких размеров для Ремезова – просто подарок, до этого он делал только небольшие водоемчики. Он и взялся. А когда все было готово и Ремезов попросил оплатить работу, Епифанцев начал юлить, придираться к мелочам, оттягивая время.

– Сколько он должен был заплатить твоему Ремезову?

– Два миллиона с какими-то «копейками».

– Солидно. Хорошее озерцо! И что же сделал «исполнитель», когда понял, что «заказчик» платить не торопится?

– Он долго увещевал его, уговаривал, потом стал грозить судом. Причем, заметь, когда в разговоре речь зашла о суде, Епифанцев вообще перестал общаться с Ремезовым, запретил охраннику пускать его в офис, не отвечал на звонки. Одним словом, перекрылся.

– Ремезову надо было подавать в суд.

– Полетт, он так и сделал. Но и там Епифанцев вел себя подобным образом. Он не являлся на заседания, а когда приставы «прижали» его, принес какую-то справку, что он якобы был в служебной командировке. Но Ремезов уверяет, что это ложь: люди видели «колбасника» в городе, причем в самых разных местах. Наконец, суд все-таки состоялся, вынес постановление Епифанцеву выплатить Ремезову долг. Но время шло, ничего не менялось, деньги на счет ООО «БИП» так и не поступили...

– И что же твой примерный семьянин?

Дед вздохнул.

– Полетт, я не знаю, стоило ли вообще рассказывать тебе эту историю. Конечно, таких, как Ремезов, много, помочь всем невозможно в принципе...

– Но если есть возможность помочь хотя бы одному, почему не использовать ее? Может, другие задумаются, такие, как этот «колбасник», что не всегда «кидалово» сходит с рук, что лучше вести бизнес честно, а самая лучшая реклама фирмы – это ее репутация. Это то, что не купишь ни за какие деньги.

– Так ты все-таки хочешь помочь Игнату?

– А он все-таки нуждается в помощи? Ты же сказал, что суд вынес решение в его пользу? Ариша усмехнулся.

– А что толку? Прошло достаточно времени, но Епифанцев так и не перечислил деньги. Ремезов даже обращался в «Русскую службу возврата долгов». Те собрали материал, сказали, что передают дело в прокуратуру.

– Ну, что от этих ребят ожидать, мы с тобой уже знаем!

– Да, дочка. Времена меняются, люди – нет. Либо у Епифанцева там своя большая волосатая лапа, либо он нашел кому дать на «лапу». Человек-то он, судя по всему, не бедный. Дело

затянулось. Предприятие Игната практически развалилось, ведь большая часть денег была вложена в этот злосчастный пруд. Люди не стали ждать, когда их директор разберется с должником и выбьет из него деньги. Всем надо кормить свои семьи. Многие уволились...

Кстати, жена Игната тоже здорово пострадала в этой истории. Дело в том, что супруги Ремезовы жили вместе больше двух лет, а детей у них не было. Они, кажется, даже обследовались, но врачи ничего необычного у них не обнаружили, сказали, мол, ждите, будут у вас дети. Они и ждали... И когда жена объявила Игнату, что беременна, тот был на седьмом небе от счастья.

– Надеюсь, с ней и ее будущим ребенком ничего не случилось?

– Зря надеешься, Полетт. Когда Ремезов стал требовать с Елифанцева деньги и грозить судом, на его жену напали и избили. Подробности я не знаю, но наверняка знаю одно – ребенка женщина потеряла.

Но и на этом злключения Ремезовых не закончились. Узнав о выкидыше, Игнат попал в больницу с инфарктом. От мытарств по судам и передраг у него часто прихватывало сердце. У него это, похоже, наследственное: его отец умер совсем молодым после второго инфаркта. Так что сейчас Игнат лежит в больнице. Жена ходит за ним ухаживать, но, похоже, она сама нуждается в лечении. Мы вчера скинулись, собрали им небольшую сумму. На первое время хватит, но, чтобы поднять Игната, нужны серьезные деньги. Он тяжело перенес инфаркт, да и поправляться ему очень трудно: сама понимаешь, выйдет из больницы и что его ждет? Почти развалившееся предприятие и новые хождения по судам. Да еще этот кризис! Ну, кому сейчас в голову придет устанавливать бассейны?! Людям не до того, многие пытаются просто выжить. Жена, конечно, как-то подрабатывает, но ей сейчас очень тяжело.

– Да, дед, все это печально. Только я не знаю, смогу ли что-то сделать для твоего Ремезова.

– Полетт, я вижу, что ты сейчас маешься без дела. Сидишь часами у камина или в своей комнате. Поди уж, по второму разу все книги перечитала! Вчера вон на саксофоне какие грустные мотивы выводила. Скука – вещь нехорошая. Так вот я и думаю, чем скучать в одиночестве, может, съездишь к жене Игната, поговоришь с ней? Я и адресок с телефоном тут тебе записал.

Ариша положил на стол лист бумаги. Я пробежала глазами адрес. Станный район для бизнесмена. Не центр.

– Так ты съездишь к ней, Полетт? Может, все-таки можно как-то помочь людям?

А почему бы и нет? Я действительно скучаю без дела, а чтобы не терять навык в моей работе, надо время от времени «разминаться». Только сначала – все проверить, во всем убедиться самой. Еще неизвестно, как там обстоят дела на самом деле. У меня однажды было такое. Пришла пожилая женщина, охала, ахала, плакала в платочек, мол, сноха, ведьма подколотная, со свету сживает. И в дом не пускает, и в суп мой плюет, и мимо унитаза специально мочится, чтобы мне навредить. А когда я взялась эти факты проверять, то оказалось, что практически все наоборот: свекровь выживает бывшую сноху из дома. Ее сын ушел к другой, а сноха с маленькой дочкой остались, им идти некуда, да и прописаны они здесь. Так что все бывает! Как говорят, доверяй, но проверяй.

Я послонялась некоторое время по комнате, ничего конкретно не делая. Наверное, это было моей отличительной чертой – я должна была хорошенько подумать, стоит ли браться за такое дело. Результатом моей мыслительной деятельности явилось решение «откопать топор войны». Но сначала, разумеется, предстояло все проверить.

Я совсем уж было собралась позвонить по номеру, записанному для меня дедом, как телефон сам напомнил о себе знакомой мелодией. Это была Алина.

– Ты не представляешь!..

Очень даже представляю.

– Это вообще такое!.. Это сегодня так актуально!..

Фонтан энергии!

– С ними надо бороться немедленно, иначе эта зараза расплзется и заполонит весь наш дом!

– Ты о тараканах? – уточнила я.

– Да!.. Что?.. О каких тараканах? Да нет же! При чем здесь тараканы?

– Ну, ты сказала, что они расплзутся и заполонят весь ваш дом.

– Не наш, а ваш.

– У нас с дедом нет тараканов. Тьфу, тьфу, тьфу... Алина, ты что, теперь работаешь в фирме по уничтожению домашних насекомых и грызунов?

– Я?! Грызунов?.. Это ты меня так низко ставишь?

По Алининому тону я поняла, что подруга оскорбилась.

– Да я теперь в обществе борьбы со скинхедами! А под нашим домом я подразумеваю нашу страну.

Ого! Вот это вираж! Нет, с Алиной не соскучишься.

– Мы сейчас набираем добровольцев...

– Нет!

– Я еще не договорила...

Знаю я ее штучки. В какие только общества и организации не пыталась затащить меня лучшая подруга! Если она сама постоянно хочет против кого-то бороться, кого-то спасать, то это вовсе не значит, что все хотят того же.

– Нет!

– Но почему? Это всех касается! Нельзя равнодушно проходить мимо. Скинхеды – это те же фашисты, только замаскировавшиеся. Если их не остановить, эта зараза расплзется по всей планете, а наша планета – это наш общий дом.

– Я бы с удовольствием, но я не могу. Именно сейчас у меня начинается новое дело.

Алина на минуту смолкла, переваривая новость.

– Хорошо. Тогда будешь в числе сочувствующих. Так сказать, группа поддержки. Но будь готова вступить в наши сплоченные ряды. Я тебе дам маечку такую... знаешь, на груди – зачеркнутый фашистский крест и надпись «Скинхедам – нет!». Будешь носить. Еще привезу устав нашей организации и значок. Заеду сегодня после обеда, будь дома.

Нечаева отключилась. Ну вот, новый день – новые проблемы.

* * *

Ближе к обеду я все-таки позвонила Ремезовой Гульнаре, как было указано в записке, на домашний телефон. Мне ответил какой-то усталый и очень уж грустный голос:

– Квартира Ремезовых.

– Гульнара? (*ударение: первая а*).

– Да, я. А вы кто? Простите, я вас не узнаю.

– Да вы меня и не знаете. Ваш телефон мне дал один знакомый вашего мужа. Он очень переживает за Игната и искренне хочет помочь вам.

– Помочь? Чем? Разве нам можно чем-то помочь?! Вы не представляете, в каком мы положении!..

Женщина вдруг так разрыдалась, что я растерялась.

– Гульнара, подождите плакать. Давайте для начала с вами встретимся и поговорим. Может, что-то придумаем. Меня зовут Полина, я – юрист. Когда к вам можно подъехать?

Через полчаса я подходила к пятиэтажному дому на улице Ополченцев. Это был обыкновенный кирпичный дом в обыкновенном старом дворе, квартира на четвертом этаже за железной дверью. Хозяйка открыла практически сразу после моего звонка.

– Заходите. Можете не разуваться...

Она была невысокого роста, милой, симпатичной, только осунувшейся и усталой. Большие карие глаза, длинные каштановые волосы, собранные сзади в хвост. Брови – соболиные, как у восточных красавиц. В ушах – длинные золотые сережки, на груди – тоненькая золотая цепочка, вот и все драгоценности жены бизнесмена. Простой ситцевый халатик пестрой расцветки подчеркивал хорошую фигуру. Чем-то она была похожа на Гюльчитай из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Мы прошли в комнату, похоже, служившую у хозяев, залом.

– Садитесь сюда, на диван, вам здесь удобно будет.

Сама хозяйка села в кресло напротив меня.

– Гульнара, я знаю, что ваш муж сделал владельцу колбасного цеха пруд во дворе дома, из-за чего его фирма и развалилась.

– Да, почти развалилась. Ведь большая часть денег была вложена в этот злосчастный пруд. Епифанцев клялся, что заплатит сразу, как только водоем залыют водой. Причем говорил это в присутствии своего бухгалтера. Муж поверил ему. В то время у него не было объекта, а тут такой заказ! Подобного пруда его фирма еще не делала, и он ухватился за это как за спасительную соломинку. Почти на все деньги, что были у него на счете, закупил изоляционный материал, нанял экскаватор. Тот вырыл котлован, муж заплатил ему из своих денег. Потом рабочие Игната выложили дно изоляционным материалом в несколько слоев. Там сложная технология, они выкладывают один слой, сваривают швы, потом второй – другим материалом, опять сваривают. Я точно не знаю, я не специалист, но слышала, как муж разговаривал со своим мастером. Причем, пока они работали, Игнат платил всем рабочим опять-таки из своих денег. Воду Епифанцев проводил сам. Когда все было готово, и котлован начали заливать водой, муж в первый раз попросил заказчика оплатить работу. Тот сказал, что, мол, да, оплачу, когда вода будет в пруду...

– Они не ругались?

– Тогда еще нет. Игнат с клиентами всегда держится корректно. Да и зачем было ругаться? Епифанцев обещал оплатить, но сначала хотел убедиться, что материал, из которого выслано дно пруда, держит воду. Дней пять заливался водоем. Муж ездил туда каждый день и смотрел своими глазами. Вода прибывала. Когда водоем был полон, воду отключили, на края положили декоративную траву, постепенно переходящую в настоящую. Муж сделал фото для рекламного альбома и снова напомнил Епифанцеву об оплате. Тот с презрением бросил:

– Я еще посмотрю, сколько твой бассейн продержится! Если через месяц вода не уйдет, – получишь свое бабло.

Муж не мог ждать целый месяц, денег на его счете почти не осталось, а надо было платить налоги, аренду офиса, да и материал закупать для других объектов. Он настоятельно попросил Епифанцева оплатить, если уж не всю сумму, то хоть часть. Тому не понравился тон Игната и он сказал:

– Будешь хамить – вообще ничего не получишь.

Но муж не хамил ему, я это точно знаю, он не такой. У него до Епифанцева было много клиентов, и никогда ни с кем он не ругался. В это время у мужа появились новые заказчики, но он не мог начать с ними работать из-за разборок с Епифанцевым. А тот начал просто издеваться. Он звонил мужу и требовал немедленного его прибытия, так как уровень воды в пруду якобы упал. Муж едва ли не каждый день ездил на его ферму на разборки. Мы поняли, что заказчик тянет время – просто не хочет платить. Была уже осень, и он сказал, что заплатит весной, если за зиму с прудом ничего не случится...

– Гульнара, а когда вы обратились в суд?

– Весной и обратились. Муж приехал к Епифанцеву в апреле, когда лед в пруду растаял, и в очередной раз попросил денег, но тот сказал, что за зиму уровень воды в пруду сильно упал,

значит, где-то есть утечка, и Игнат должен ее устранить. Муж осмотрел водоем, но посчитал, что уровень практически остался прежним, значит, никакой протечки нет. А небольшой спад воды – это естественное явление: вода, как известно, имеет свойство испаряться. Но Епифанцев платить все-таки отказался, и тогда муж пошел в суд.

Гульнара вдруг спохватилась:

– Ой, я вам даже чая не предложила! Извините, я сейчас...

Она убежала на кухню, а вернувшись, пригласила пройти туда. На столе нас ждали горячий заварочник, чашки, вазочка с дешевым печеньем.

– Вот прошу. Чем богаты...

– Так на чем мы остановились? – спросила я, отхлебывая горячий напиток.

– Да, обратились в суд, только это ничего не дало. На процессы Епифанцев не являлся, было видно, что он тянет время. Ему это было выгодно, а мой муж терпел убытки.

– Гульнара, говорят, ваш муж сейчас в больнице?

Лицо девушки стало бледнеть на глазах.

– Это все из-за меня...

– Из-за вас? В каком смысле? Вы-то здесь при чем?

Она перестала пить чай, посмотрела на меня, как затравленный зверек. На глаза ее навернулись слезы.

– Мы с Игнатом прожили два года, а я все не могла забеременеть. Оказывается, так бывает... Я ходила ко врачу, меня уверили, что все в порядке, никаких отклонений. Но беременность почему-то не наступала. Мне сказали, ждите, обязательно наступит... Мы и ждали. Игнат так хотел сына! Вы не представляете! Он и имя ему придумал, и уже мечтал, что на рыбалку будет его с собой брать. Он у меня такой заядлый рыбак! Вот... А однажды на работе мне стало плохо, я потеряла сознание. Девчонки мне «Скорую» вызвали. Врач мне сказала, что, похоже, я буду мамой. Я потом в поликлинику на осмотр ходила, все подтвердилось. А когда на четвертом месяце я прошла УЗИ, и мне сказали, что будет мальчик, Игнат меня долго кружил по комнате и живот гладил и все приговаривал: «Там мой сын! Там мой Олежка!»

Гульнара снова заплакала, закрыв лицо руками. Я не решилась тревожить ее, пусть выплачется, раз ей так плохо. Через некоторое время она отняла руки от лица и спросила:

– Скажите, есть моя вина в том, что я родилась татаркой? Я не стремилась родиться именно в этой семье. Мой отец – чистокровный татарин, а женился на моей матери, она наполовину русская. Они всегда жили хорошо, никогда не ссорились, воспитали троих детей. Мой брат Тимур полюбил девушку-казашку, родители дали им благословение. У нас вся семья интернациональная, у нас и белорусы есть в роду... И когда мы собирались у бабушки за одним большим столом, никто никого не спрашивал: какой ты национальности? Все уважали друг друга. Я не виновата, что полюбила русского парня и не считаю это нонсенсом: один из моих дедов тоже русский. А они... Они сказали, что таких, как я, надо убивать!.. Что мы, иноросы, захватили их землю... А я ничего не захватывала! Мои предки всегда жили здесь...

Девушка снова заплакала. Надо было как-то отвлечь ее, да и выяснить наконец, что же конкретно произошло и в чем она виновата.

– Гульнара, они – это...?

– Скинхеды. Только я сама тогда этого не знала. Я шла с рынка, ну, знаете, тот, что открылся недавно за новостройкой. Там все прямо с полей, все очень дешево. Я купила целый пакет овощей... Пошла через пустырь, хотела дорогу сократить... Машина следом за мной ехала, я даже внимания на нее не обратила, пока она со мной не поравнялась. Из нее выскочили трое парней, совсем еще юнцы. Один за рулем был... Окружили меня, стали оскорблять, мол, понаехали чурки узкоглазые, нормальным людям уже пройти негде, одна нерусь вокруг. Я хотела вырваться и убежать, да куда с такой сумкой! Да и срок уже большой был: все-таки шесть месяцев... Они затащили меня в машину, сумку я выронила, когда от них отбивалась...

Привезли в лес, на какую-то поляну, вытащили из машины... Я смутно все помню. Помню, что плакала и умоляла не трогать меня, но они изнасиловали меня все четверо... Потом сказали, что нельзя допустить, чтобы чурки плодились, стали бить меня... Я умоляла только не бить по животу, и они сначала действительно били по голове, по лицу и спине... Но потом один стал пинать меня ногами именно в живот...

Когда они уехали, я поползла к дороге... За мной тянулась кровавая дорожка... Меня подобрала проезжавшая мимо машина: старики, муж с женой на стареньком «Москвиче» ехали. Они и отвезли меня в больницу...

Я слушала Гульнару и чувствовала, как у меня все холодеет внутри. Я даже не могла ее о чем-то спросить, мой язык как будто прилип к гортани. Я пыталась представить, как четверо парней бьют ногами эту маленькую хрупкую девушку, да еще и беременную, и у меня все плыло перед глазами. Остывший чай оставался в наших чашках нетронутым.

– Через неделю меня выписали. Ребенка я, естественно, потеряла. В больнице ко мне приходил следователь, взял у меня показания... Но на этом все заглохло. Мне потом сказали, что те парни, судя по всему, были скинхедами, но найти их не представляется возможным, мол, нет никаких зацепок.

Но на этом наши злоключения не кончились. Игнат, узнав, что случилось со мной и ребенком, страшно переволновался. Пока я была в больнице, он навещал меня и держался как мог, а как только я выписалась и пришла домой, у него случился инфаркт. Наверное, у Игната, как и его отца, слабое сердце. Тот умер после второго инфаркта совсем молодым...

– Он сейчас в больнице? – спросила я.

– Врачи хотят его выписать. Кризис миновал, а на восстановление нужны дорогие лекарства, на которые у нас нет денег. Я, конечно, работаю, но зарплата у меня небольшая. Я – бухгалтер в нашем ЖЭКе, моя зарплата – пять тысяч. Правда, по вечерам я подметаю подъезды. Это еще две с половиной тысячи. Как мне поднять мужа на эти деньги? Правда, родственники и друзья собирали мне пару раз небольшие суммы, но на лечение Игната нужны серьезные деньги, а у меня их нет. Я вообще не знаю, что мне делать!..

– Гульнара, я понимаю, волокита с «колбасником» тянется давно, а что, других объектов у мужа за это время не было?

– Почему? Были. Пару небольших бассейнов установили, один крохотный пруд во дворе кому-то из знакомых в коттеджном поселке... Но это же мелочь. А надо платить налоги, аренду помещения, зарплату рабочим... А тут еще этот кризис! Ну кого сейчас интересуют бассейны и пруды?! Да еще мы, как назло, ипотеку оформили. Хотели в центре хорошую трехкомнатную квартиру купить, чтобы у ребенка были нормальные условия. Теперь мы и ее, похоже, потеряем...

Гульнара помолчала немного, грустно глядя куда-то в угол, и вдруг спросила:

– А вы ведь, кажется, сказали, что юристом работаете?

– Я по образованию юрист, – уточнила я, не вдаваясь в подробности.

– Тогда посоветуйте, что мне делать, если даже прокуратура молчит?

– Есть другой способ разбираться с обидчиками, – ответила я, для себя уже решив помочь этим людям. – Гульнара, давайте для начала обменяемся номерами сотовых...

Глава 2

Наркотик... Пьянящая жажда мести завладела мной. Но для начала – все проверить. Как говорится, месть – это блюдо, которое подают холодным.

Я ехала за город в деревню Полянка. Чем дальше оставались высотные дома и трубы кирпичного завода, некогда моего родного предприятия, тем красивее становилось вокруг. Вдоль дороги потянулся лесок, сначала редкий, но постепенно он становился все гуще и выше. Вот одна деревенька промелькнула за окном, потом вторая. Я помнила наставления Ариши: после второй деревни будет поворот налево, сворачивай туда. Я последовала совету деда, проехала немного по пустынной дороге и увидела знак «Населенный пункт Полянка».

Домов в деревне было немного, они быстро промелькнули за моим окном, старые, некоторые покосившиеся от времени. Внезапно я оказалась в очень красивом месте: передо мной расстиралось поле, на котором был огороженный бетонными плитами большой участок. За полем высилась гора, заросшая лесом, она завораживала своим величием. Справа, в низине, виднелся пруд. Красиво! Цветы на лугу, коровки пасутся, птички поют... Просто рай.

Я постаралась заглянуть за бетонный забор, но у меня это не очень-то получилось. Высоковат. Или я для него низковата. Тогда я решила доехать до горы и подняться на нее. Уж оттуда я все увижу!

Когда, пройдя немного по тропинке, ведущей вверх, я оглянулась, то просто ахнула! Отсюда вся фазенда Епифанцева видна как на ладони. Большой участок. Огромный дом в три этажа, с колоннами, монсардой, как сказал Ариша, будто с полотен дореволюционных художников. Перед домом был разбит парк с дорожками, выложенными плитами. Голубые елочки, каштаны, кусты можжевельника, клумбы с цветами, даже фонтан в середине – все, как говорил Ариша.

Справа, чуть ниже всего этого величия, голубел приличных размеров водоем, искусственный пруд. Отсюда, издали, он выглядел вполне естественно. Его тоже огибали белые и желтые каменные дорожки. На контрасте с зеленой газонной травой они смотрелись просто великолепно.

Рядом с воротами стоял домик охраны. Две высокие сосны раскинули над ним свои лапы, словно шатер.

Надо поговорить с Ярцевым. Почему-то это первое, что пришло мне на ум. Я включила номер журналиста-скандалиста и услышала его приветливое «Алло!».

– Антон! Это Полина.

– Привет. Рад слышать.

– Скажи, ты что-нибудь знаешь о владельце колбасного цеха в нашем городе?

Что за вопрос! Ярцев знает все! Или почти все. А то, чего не знает он, наверняка знают его коллеги.

– М-м... Как сказать?

– Скажи как есть.

– Кое-что знаю...

– Поделишься?

– Ну, как говорится, чем богаты. А что это ты вдруг заинтересовалась «колбасником»?

– Объясню при встрече. Так я заскачу к тебе ненадолго?

– Давай, я у себя.

По дороге я купила банку более или менее приличного растворимого кофе. Та бурда, которую журналисты пьют у себя в редакции, потом откликается изжогой в моем желудке. Как

они вообще умудряются оставаться в живых, выпивая каждый день по несколько литров такой отравы? К кофе я прихватила пачку шоколадного печенья.

Мы с Антоном сели в уголке его комнаты, где, кроме нас, находились еще трое работающих за компьютером сотрудников.

– Так с чего ты вдруг «колбасником» заинтересовалась? – спросил Ярцев, открывая банку моего кофе и включая чайник.

Я коротко рассказала историю Ремезова.

– Ну, Епифанцев! Силен! Впрочем, я не так уж удивлен: он, как всегда, в своем репертуаре.

– В каком таком репертуаре? Это что у него, не первое «кидалово»?

– И даже не второе.

– С этого места прошу поподробнее.

– С фонтаном, который у него во дворе, я слышал, вышла почти такая же история. Когда в позапрошлом году его установили, кстати, работала фирма из районного центра, у нас-то никто этим не занимается, так вот, он сделал предоплату пятьдесят процентов, а остальное отказался платить, сославшись на серьезные недоделки. То ли фонтан бил не на ту высоту, какую он хотел, то ли протечка где-то была. Выяснение отношений проходило долго, потом та фирма подала на него в суд, суд постановил ответчику выплатить истцу, но воз, как говорится, и ныне там. Они подали на него жалобу в прокуратуру, но Епифанцеву, похоже, только этого и надо. По-моему, у него там «прихват».

– Похоже. А что еще? Ты говорил, дело даже не второе.

– А, ну и еще, я слышал, с фирмой по озеленению он конфликтовал в том же духе. Так что все, что вокруг дома у него понаделано, обошлось ему в полцены. А пруд, получается, так вообще даром! Хорошо устроился, прощелыга.

– Кажется, это вошло у него в привычку. Фонтан и парк – за полцены, пруд – даром. Это какие же средства сэкономлены! А может, он и дом так же построил? Ты видел его «дворец графа Шереметьева»?

– Нет, а что?

– Много потерял.

– Намекаешь, что пора заняться?

– Лично я с сегодняшнего дня уже занялась. А ты, если сможешь, сделай разведку со своей стороны.

– Не вопрос.

– Или у тебя других дел много?

– Ну, скандальный-то материалчик мне всегда сгодится. Скоро вот закончу одну статью, освобожусь, тогда займусь твоим «колбасником» вплотную.

– Антон, а ты когда-нибудь видел самого Епифанцева?

– Близко не знаком, но встречать приходилось. А что?

– Опиши, если можешь, его внешность.

– Выглядит лет на пятьдесят, может, чуть больше, среднего роста, полноват, брюнет. Одет всегда «с иголочки», костюмы дорогие. Ездит на серебристой «Ауди», номер «789».

– Это что-то новенькое! Обычно люди его круга предпочитают номера типа «три пятерки».

– Как говорится, у богатых свои причуды. Может, он предпочитает не выделяться?

Поболтав еще какое-то время и договорившись обмениваться добытой информацией, мы с Антоном расстались.

* * *

Теперь мой путь лежал к колбасному цеху. Официально это предприятие называлось «Цех по переработке мясной продукции. ООО «Сервелат». Он находился за городом и был относительно небольшим. Территорию его окружал высокий забор из каменных плит, точь-в-точь такой же, как и окружающий усадьбу хозяина. Огромные железные ворота. Перед ними стояли две грузовые «газели» с надписью на бортах ООО «Сервелат» и нарисованными аппетитными палками копченой колбасы. Рядом с воротами находился ларек, реализующий продукцию мясного цеха по сниженной цене. Около него толпился народ. Вокруг стояли автомобили – от простеньких «Москвичей» до солидных иномарок и «пирожков». Граждане набирали колбасу и сосиски большими партиями и затаривали свои авто.

Я сделала вид, что тоже хочу прикупить мясных деликатесов, и остановила машину недалеко от ларька. С этого места мне хорошо были видны ворота. Стоять пришлось довольно долго. Машины подъезжали и отъезжали. А я все стояла на одном месте и только провожала их взглядом.

Но вот ворота откатились в сторону и выпустили серебристую «Ауди» с номером «789». Стекла ее были затонированы, причем настолько, что пассажиров вообще не было видно. Она рванула в город, я еле поспевала за ней.

Остановилась машина около ресторана «Ридб». Из нее вышел темноволосый мужчина лет пятидесяти в хорошем темно-сером костюме с галстуком. Все, как описал Ярцев. Он зашел в ресторан, а водитель куда-то уехал. Я стояла невдалеке в раздумье: посетить ли мне это заведение или понаблюдать отсюда для первого раза? Решив все-таки сделать последнее, я осталась в машине.

Примерно минут через пятьдесят Епифанцев вышел из ресторана и плюхнулся на переднее сиденье рядом с водителем. Машина рванула с места, я следовала по пятам за моим объектом слежки.

Как ни странно, Епифанцев вернулся к себе в цех трудиться на благо *своего* предприятия. У его ворот мне пришлось простоять почти до пяти часов.

Когда мое терпение уже готово было лопнуть, кто-то невидимый снова сказал «сим-сим», ворота открылись, серебристая иномарка вылетела на дорогу и с приличной скоростью помчалась в город. Мне снова пришлось пристроиться ей в хвост.

На этот раз путь Игоря Дмитриевича лежал в сауну. Немного не доезжая до города, можно увидеть деревянный бревенчатый дом под красной крышей из металлочерепицы со старинным фонарем над крыльцом и большой вывеской «Сауна. Гостиница». Его-то и изволил посетить наш «колбасник». И пробыл там почти четыре часа. Значит, мы вот так, да? Славно потрудились, славно отдохнем. В девять вечера чистый Епифанцев отправился домой, в деревню Полянка. За ним следовала еще одна машина, черный «Лексус». Я не стала завершать этот эскорт.

Дома я первым делом рванула на кухню, так как практически весь день у меня во рту маковой росинки не было. Но насладиться уральскими пельменями мне не дал телефонный звонок. Это была Алина:

– Наконец-то! Где ты пропадаешь? Я ведь просила тебя быть дома!

– А я тебе говорила, что у меня новое дело, – ответила я с набитым ртом, так как не в силах была прервать процесс поедания пельменей.

– А я не могу тебе дозвониться. Майка и значок лежат в твоей комнате. Да, и еще Устав. Аристарх Владиленович обещал все положить именно туда. Изучай Устав, потом напишешь заявление, вступишь в нашу организацию.

– Членские взносы платить надо?

– А как ты думаешь? Все организации существуют на членские взносы и благотворительные пожертвования. Да ты не пугайся, там копейки!.. Главное – твое участие.

– Алина, ты ведь знаешь, что именно с этим у меня будут проблемы. Мне некогда стоять в ваших пикетах.

– Что значит: *наших*? Это всех касается! Нельзя проходить равнодушно мимо! Если эту заразу не остановить, она расплзется по всей планете, а наша планета – это наш общий дом. Поняла? Учи Устав, завтра я позвоню.

Нечаева, как всегда, в своем репертуаре.

Поедать пельмени пришлось одной. Ариши дома не было. Сосватав мне новое дело, он, похоже, преспокойно отдыхает в своем казино. После ужина я села в свое любимое кресло в своей любимой комнате и задумалась. Что дал мне первый день работы над моим новым делом? Кое-что дал. Я убедилась, что все, рассказанное Аришей, правда. Что у «колбасника» действительно большой дом с прилегающей территорией, и человек он, судя по всему, далеко не бедный. Одна его «Ауди» стоит не меньше «лимона». А усадьба!.. Это же целый дворец! Там легко мог бы разместиться детский сад. И тем не менее он отказался оплатить Ремезову его работу и даже материалы. Такой наглый? Уверен в своей безнаказанности? Или такой жадный? И в том, и в другом случае он обязан возвернуть долг. И моя задача – заставить его сделать это. А вот каким образом – надо подумать. Взять с такого деньги будет непросто. Значит, надо найти его слабые, уязвимые места. А еще мне не давала покоя история с избиением его жены Гульнары. Что-то подсказывало мне, что это не совпадение, что отказ платить Ремезову и случай с его женой взаимосвязаны. Тогда копать придется глубже. Избиение беременной женщины и насилие над ней – похуже, чем простое «кидалово». Это серьезная статья в Уголовном кодексе. И в моем тоже.

Для начала надо все узнать о Епифанцеве и его семье. А в этом мне может помочь только один человек – Курбатов Сергей Дмитриевич, полковник ФСБ, старый друг моих родителей. Когда они погибли, дядя Сережа отчасти заменил мне отца и все проблемы, возникающие у нас с дедом, решал в секунды. Конечно, по мере возможностей я старалась обходиться своими силами и не тревожить очень занятого человека пустяками, но иногда бывали моменты, когда без помощи дяди Сережи я обойтись просто не могла.

Но звонить поздним вечером даже близкому другу семьи было неудобно. Да и я сама порядком устала. Поэтому я решила отложить разговор до утра и отправилась спать.

* * *

Когда утром я вышла в кухню, Ариши там не было. Все ясно. Дед опять вернулся вчера поздно, лег под утро и теперь будет дрыхнуть до одиннадцати. Я приготовила себе кофе и тосты и села трапезничать. Но насладиться завтраком мне не дали. Раздался звонок телефона. Я нажала кнопку приема вызова.

– Полина, привет! Ярцев.

– Есть новости?

– А чего ради, ты думаешь, я звоню? Разузнал кое-что про нашего «колбасника».

– Я вся – внимание.

– Во-первых, его жена. Ее зовут Елизавета Андреевна. Ей сорок два. Говорят, что она ведет довольно свободный образ жизни. Пока ее супруг набивает кишки колбасным фаршем, она ездит по модным бутикам, покупает дорогие старинные украшения, антиквариат: картины, мебель и прочее. Посещает всевозможные салоны: красоты, массажные, солярии...

– Одним словом, ищет, куда бы потратить деньги, заработанные мужем.

– Вот-вот! У этой дамы – активная жизненная позиция. Кстати, ее машина – «Ситроен-Ксара Пикассо» обалденного оливкового цвета.

– Это должно произвести на меня особое впечатление?

– Должно. Ты знаешь, что такие автомобили на наш рынок официально вообще не поставлялись? Прикинь! А на вторичном рынке их не более... двух процентов.

– Эксклюзив?

– Еще какой!.. За ремонт такой «игрушки» берутся единицы, и стоит он очень дорого. Кстати, номер машины – «три двойки». Далее, дети Епифанцева. Сын Виктор перешел на второй курс института. Дочь Варвара окончила школу. Эти, под стать своему папаше, любят веселую жизнь: кафе, боулинги, ночные клубы и тому подобное.

– Да, веселая семейка!

– Красиво жить не запретишь!

– Пожалуй, для начала надо заняться женой. Как ты думаешь? Разузнать про нее побольше. Такие люди не знают предела в своих страстях.

– Если накопаю еще что-нибудь, я с тобой свяжусь.

Ярцев отключился, а я сразу же позвонила Сергею Дмитриевичу.

– Здравствуйте, дядя Сережа.

– Здравствуй, Полиночка! Рад тебя слышать. Как здоровье Аристарха Владиленовича?

– Спасибо, хорошо. Дядя Сережа, у меня к вам просьба.

– Я догадался. Кого собираешься потрясти на это раз?

– Владельца колбасного цеха Епифанцева Игоря Дмитриевича.

– А этот чем тебе не угодил? В его сардельках слишком много сои?

– Не хочет оплатить пруд, устроенный во дворе его фазенды.

– Да, про его фазенду я слышан. Говорят, просто барская усадьба. Дворец, фонтаны, парк. Теперь вот еще и пруд... Что ж, Полина, для тебя все, что смогу, сделаю. Передавай привет деду.

– Спасибо, передам. И заходите к нам как-нибудь. До свидания.

Так, дядя Сережа раскопает что-нибудь интересненькое, это как пить дать. В его конторе можно добыть такие сведения, которые обычным гражданам и не снились! Ярцев тоже будет рыть со своей стороны, а я тем временем буду следить за дражайшей половиной нашего «колбасника».

* * *

Следующие два дня были целиком посвящены слежке за госпожой Епифанцевой. Надо сказать, что дама это оказалась весьма экстравагантная. Несмотря на свой не слишком юный возраст (Ярцев сказал, что ей уже сорок два), она носила мини-юбки, длинные парики, декольте и обтягивающие кофточки, хотя стройностью фигуры не отличалась. При ее невысоком росте она являлась обладательницей нескольких лишних килограммов. Но, надо отдать ей должное, она старалась соответствовать своему статусу и следила за собой. Внешность ее описать было довольно трудно, так как в первый день она выехала в свет в седом парике, на другой день в рыжем, а на третий, кажется, была в своем естественном виде, если таковой вообще имелся! Ее волосы были темно-русые, мелированные. Обилие украшений (именно украшений, а не бижутерии!) выдавало не слишком хороший вкус их обладательницы. Жертва стереотипа: считает, что большое количество побрякушек говорит о большом достатке.

Двухдневная слежка дала мне кое-какое представление и об образе жизни этой дамы. Теперь я знала, по каким магазинам Епифанцева предпочитает ходить, что покупать. А на третий день меня ждал сюрприз.

С одиннадцати утра я колесила за Елизаветой Андреевной. Сначала она совершила свой ежедневный вояж по магазинам. Заехала минут на сорок к массажисту, вышла легкой походкой грациозной лани. Затем полтора часа просидела в салоне красоты. Там ей, похоже, сделали классический беспорядок на ее пышной полосатой шевелюре. А вот потом... Она отправилась в один из новых домов в тихом, престижном районе. Оставив машину во дворе, Елифанцева зашла в третий подъезд.

К сожалению, я не имела возможности последовать за ней и осталась в своей машине. Но тем не менее я все-таки кое-что узнала.

Интуиция подсказывала мне, что мадам Елифанцева побывала у своего любовника. Во всяком случае, перед тем, как выйти из машины, она надела большие черные очки, закрывающие половину ее лица, а перед тем, как нырнуть в темноту подъезда, она машинально поправила прическу и еще больше выпрямила спинку, выпятив бюст. К подруге так не заходят, это однозначно. К тому же Елизавета Андреевна была в этом месте более двух часов, а вышла легкой походкой, помолодевшая, посвежевшая. Украдкой окинув местность взглядом, юркнула в машину и выехала со двора.

Вот так променад! Интересно, кто же этот везунчик, которого мадам Елифанцева осчастливила своим визитом? Мне предстояло это выяснить.

Я помоталась еще немного по городу за Елизаветой Андреевной, подождала, пока она насладится чашечкой эспрессо в кофейне на улице Брюсова. Потом она отправилась восвояси, на свою фазенду в Полянке, а я позвонила Ярцеву.

– Антон, тебе случайно ни о чем не говорит такой адрес: улица Бабушкина, 40?

– А что там необычного?

– В это злачное место навевдывается супруга нашего «колбасника». В третий подъезд. И, похоже, это мужчина.

– Нет, я не в курсе.

– Тогда придется узнавать мне. Ладно, пока.

Я отключилась и вернулась туда, откуда мадам Елифанцева недавно уехала. Во дворе было пусто. Я открыла дверь машины и сидела в ней, ждала, пока возле третьего подъезда не появилась какая-то бабушка в детской желтой панамке. Вот кто способен сказать все о своих соседях! Бабушки – это тайные агенты, которые все знают, слышат и видят. Даже то, чего никогда не происходило.

Я подошла к женщине:

– Извините, вы не скажете, в вашем доме квартиру никто не сдает?

– Квартиру? – Она явно не ожидала этого и задумалась.

– Да, квартиру. Понимаете, мне надо снять для моей близкой подруги. У нее такая беда!..

– Господи! Да какая же беда?

– Муж ее избил и выгнал из дома. Она ищет жилье, желательно отдельную квартиру...

Я плела что-то про несуществующую избитую мужем-извергом подругу, вызывая в старушке сочувствие. В это время из второго подъезда вышла еще одна бабушка с зонтиком от солнца и присоединилась к нам.

– Потаповна, что случилось-то?

Теперь я уже двум бабушкам рассказывала мексиканские страсти про изувеченную подругу и ее мужа-ревнивца. Квартиру, как оказалось, никто не сдает, а вот тема супружеских измен вызвала у бабушек заметное оживление.

– Твоя подруга-то, поди, мужу изменила, за что и получила?

– Вообще-то да... – виновато потупилась я.

– Так оно и понятно! – обрадовались бабушки своей сообразительности. – Если она за такое дело получила, так это по справедливости! Не надо было мужику рога наставлять.

Последнее это дело – мужу изменять! Вот у нас в этом подъезде на четвертом этаже студентик живет... На морду – красавец, ничего не скажешь. И ездит к нему баба одна...

– Бесстыжая, – подсказала присоединившаяся бабушка с зонтиком.

– Да, бесстыжая, потому как мужняя. И не молодая, – подытожила та, что была в желтой панамке.

– А откуда вы знаете, что она «мужняя»? – удивилась я.

– Оттуда! Одета хорошо – это раз. Значит, муж содержит. На машине ездит. Днем. Не работает, значит. Лицо за очками прячет, значит, не хочет, чтоб ее узнали. Свободной женщине чего скрывать?

Да, в логике бабушкам не откажешь. Мисс Марпл отдыхает. Женщины вдохновенно продолжали:

– Баба в годах, ей, поди, уж за сорок...

– Да больше! Под пятьдесят!

– ...А все к мальчику-студенту ездит! И где только у людей совесть?!

– И не говорите! – поддержала я их праведный гнев. – И часто ездит?

– Раз в неделю, а когда и два, – выдала подружка Потаповны.

– И каждый раз по-новому выглядит. Думает, не узнают ее.

– Парики меняет, одежду...

– В разное время приезжает...

– А как приедет, музыку громко включают, чтоб, значит, всяких звуков из их квартиры не было слышно...

– Только мы все слышим!... – с явной угрозой в голосе заключила Потаповна.

Бабушки галдели наперебой, радуясь случаю излить сведения о неверной жене хоть кому-то постороннему. Похоже, им просто надоело «тереть» эту тему между собой. Я впитывала всю информацию о мадам Епифанцевой, мысленно благодаря бдительных старушек.

Через пять минут я отправилась к еще одному моему знакомому Вите Шилову. Это гениальный электронщик и специалист по компьютерам. Когда-то давно нас познакомила Алина, и с тех пор я пользовалась изготовленными и усовершенствованными Витей приспособлениями для «прослушки». Главное – они были надежны и просты в обращении. В отличие от их хозяина, темпераментного и взрывного парня, которого все люди, менее гениальные, чем он сам, просто выводили из себя.

Предварительно созвонившись с Шиловым и договорившись о встрече, я вела машину к интернет-кафе, в котором он был завсегдатаем.

– Вот принес, как договорись, – сказал Витя после короткого приветствия и протянул мне пакет.

Я заглянула в него скорее по привычке. Вите я доверяла. Он был надежен, как скала. Да, все, что мне нужно, лежало в небольшом непрозрачном пакете, завернутое в газету.

– Сколько с меня?

Витя назвал сумму. Она меня устраивала. И еще то, что Шилов никогда не задавал лишних вопросов. Он не спрашивал, зачем мне «жучки», кого я собираюсь слушать и зачем.

– А тебе мини-камера случайно не требуется? – спросил Витя, когда я уже встала, чтобы уйти.

Я снова опустилась на стул.

– Какая камера?

– Миниатюрная, совсем крохотная. Вот такая, – показал он пальцами. – На булавке. Прикалываешь где хочешь, хоть на обои на стене.

– Так, так... Давай поподробнее.

Витя рассказал, что смастерил мини-камеру и начал объяснять ее устройство. Но для меня, девушки с высшим юридическим образованием, весь его экспликасьон казался китайской грамотой.

– Витя, скажи проще, с ее помощью я могу делать видеозапись, скажем, сидя в своей машине?

Витя посмотрел на меня, как на шизофреничку в стадии обострения.

– А я тебе про что толкую? – вдруг взорвался он. – Или я непонятно объяснил?

– Понятно, все понятно, – поспешила я успокоить его. – Сколько?

Шилов назвал цену. Однако!

Видя мою погрустневшую физиономию, Шилов снисходительно махнул рукой:

– Тебе, как постоянному клиенту, скидка.

Глава 3

И зачем я ее взяла, такую дорогую? Конечно, камера – вещь уникальная, с ней можно записать то, что не запишешь «жучком». Видео – это видео! А может случиться так, что она мне вообще не пригодится. Ладно, пусть пока лежит, хлеба ведь не просит, как говорит Ариша.

Вечером, наскоро приготовив ужин из полуфабрикатов, я позвала деда к столу. Мы поедали куриные котлеты с макаронами быстрого приготовления, я рассказывала Арише о событиях сегодняшнего дня. Он слушал очень внимательно.

– Полетт, как ты лихо вычислила любовника мадам Епифанцевой! А бабушки-то, бабушки! Выложить все первому встречному!

– Теперь надо как-то проникнуть к этому мальчику-студенту в дом, познакомиться с ним.

– Можно представиться работником ЖЭУ, сказать, что у вас плановое обследование батарей центрального отопления.

– Или сказать, что я – соседка снизу и у меня в ванной капает с потолка...

– Или с его балкона на твой упала наволочка, и ты ее ему принесла...

– Дед, как попасть в его квартиру – не вопрос. Вопрос: как поставить там «жучок»?

– Очень просто, Полетт. Ты приносишь наволочку, отдаешь ее хозяину, он тебе – спасибо, а ты – хлоп! Падаешь в обморок. Пока он бежит на кухню за водой...

– Получается, что я от его «спасибо» в обморок лягнулась?

– Тогда так: зашла, показала наволочку и пошла в спальню...

– Ага, давайте, мол, я сама вам эту наволочку на вашу подушку надену, а то, может, вы с этим вовек не справитесь! Чушь.

Мы еще долго сидели с дедом и прикидывали, под каким благовидным предлогом мне лучше всего попасть в квартиру мальчика-студента и как поставить там «жучок», но так ни до чего конкретного и не додумались. Убрав тарелки со стола и закинув их в посудомоечную машину, я поднялась к себе. Пока я знала только одно: надо продолжать следить за Елизаветой Андреевной, возить всю шиловскую электронику с собой на всякий случай и быть готовой ко всему.

Когда-то я закончила курсы стилистов. Позже умение менять внешность очень пригодилось в моей работе. Алина помогла мне купить разные парики и линзы. С их помощью я могла кардинально изменить свою внешность. Вот и сейчас мне предстояло сменить ее, мою среднюю, ничем не примечательную внешность с серыми глазами и не выделяющимися чертами лица на нечто более яркое и, главное, совершенно противоположное. Буду блондинкой.

Зайду к мальчику-студенту, похлопаю ресницами и томно спрошу:

– У вас случайно квартира не сдается?

Или:

– А это не ваша машина загрозила выезд из двора?

На другое утро я подъехала к дому номер сорок по улице Бабушкина. Во дворе была небольшая стоянка, на которой я поставила машину и теперь сидела на этом наблюдательном пункте и пялилась на дверь третьего подъезда. Что я хотела увидеть, я и сама не знала. Просто я чувствовала, что мне надо здесь быть. Надо – и все.

На моем объекте ничего не менялось. Дверь изредка открывалась, из нее выходил кто-нибудь и шел либо к своей машине, либо к дороге, на стоянку маршрутки. Все правильно, утро, люди едут на работу.

А я сижу здесь и загораю. От нечего делать я стала рассматривать окна над дверью третьего подъезда. А интересно, у того мальчика-студентика они на какую сторону? Может, на другую? Тогда мне лучше объехать дом и любоваться на него с другой стороны.

Вон на одном балконе девочка поливает цветы. А на лоджии – женщина развешивает белье на веревку. У всех свои заботы.

Однако время идет, надо что-то делать. Поправив мини-юбку и платиновый парик, я вышла из машины. Открытая летняя маечка облегла мою фигуру, босоножки на высоком каблуке довершали прикид легкомысленной особы. Я двинулась к подъезду одновременно с женщиной с нагруженной сумкой. Она открыла дверь своим магнитиком, я ее придержала, чтобы женщине было удобнее зайти. Она поблагодарила меня. Мы обе зашли в подъезд, она направилась к лифту, а я – к лестнице.

На четвертом этаже я остановилась. Где-то здесь живет тот студент, которого, по словам бабушек, навещала «бесстыжая дама». Что ж, сейчас поглядим, какой такой студент. Я начала обход слева направо. Позвонила в первую дверь. За ней была тишина. За второй дряблый стариковский голос ответил, что он жилье не сдает. Живущие за третьей дверью тоже отказались реагировать на мой звонок. Очевидно, они просто ушли на работу. А вот за четвертой дверью послышались шаги, и через мгновение она распахнулась.

– Извините, вы квартиру не сдаете?..

Едва выдав один этот вопрос, я замерла, как изваяние. И было от чего. Передо мной стоял почти голый – с полотенцем на бедрах – красавец лет двадцати – двадцати двух. У него было атлетическое загорелое тело, потрясающие пропорции и мокрые черные волосы. Это все, что я видела. Все остальное заволочло голубоватым туманом. Нет, еще полотенце. Белоснежное полотенце, обмотанное вокруг узких загорелых бедер. Я чувствовала, что стою, как последняя дура в этом городе, плююсь на молодое, красивое, как у греческого бога, тело и, кажется, ничего не могу с собой поделать.

– Девушка! Вы меня слышите?

Голос доносится как из другого мира. Это он мне?

– Что?

– Я говорю: с удовольствием сдал бы вам эту квартиру, но сам снимаю ее. Так что, извините...

А у него красивый голос. Только немного нежный для такого мужественного тела. Впрочем, все нормально, он просто еще юношеский, со временем возмужает. Однако надо что-то отвечать этому греческому богу с полотенцем на бедрах.

– А кто-нибудь из ваших соседей не сдает, вы случайно не знаете? Мне срочно нужна квартира в этом районе!

А он совсем не стесняется своей наготы. Или, точнее, полунаготы. Знает, что очень красив? Или не обременен всякими предрассудками?

– Надолго?

– Что «надолго»?

– Ну, квартира вам нужна надолго?

Наверное, со стороны это выглядит очень глупо: мы стоим в дверях, разговариваем, почти голый парень и девушка в мини-юбке и мини-маечке.

– Понимаете...

– Слушайте, а может, вы пройдете, – неожиданно предлагает он, отступая в глубь прихожей.

Я, продолжая разглагольствовать, неожиданно перешагиваю порог его квартиры и, цепенея от ужаса, оказываюсь в его коридоре. Он толкает дверь, она захлопывается.

– Понимаете, квартира мне нужна срочно, ну просто очень срочно... А через агентство снимать не хочу, зачем лишние деньги тратить... А подруга говорит: походи по домам, поищи сама, может, повезет, найдешь что подходящее. Вот. А я думаю...

Я вошла в образ милой простушки, такой недалекой наивной блондинки.

– Я вам верю, – улыбаясь, сказал греческий бог. – Я, кажется, даже могу вам помочь...

– Правда?!

Чему это я, собственно говоря, радуюсь? Мне бы бежать отсюда, пока не поздно. А может, уже и поздно, дверь-то захлопнулась! Я, как мышь в мышеловке, а еще чего-то из себя изображаю! Да он может со мной все что угодно сделать, вон какой бугай здоровый, а я перед ним, как котенок перед львом. Кажется, положение мое просто жуткое!

– Правда. Вот только оденусь с вашего позволения...

«Оденусь с вашего позволения»... Слова-то какие знает!

Бог пошел в комнату, а мне крикнул:

– Вы проходите на кухню, я сейчас...

Интересно, меня сразу убьют или сначала помучают?

Я, страхнув с ног босоножки, несмело прошла на кухню. А здесь было мило. Современная, стильная мебель, уютный, интимный уголок на двоих, причем столик под старину, даже подсвечник на нем и два фужера на тонких, высоких ножках. Недопитая бутылка шампанского, недоеденная плитка шоколада, виноградная кисть.

– Нравится?

– Кто?

Так неслышно и внезапно появляются только привидения.

– Моя кухня.

– Ничего... Очень мило.

Греческий бог надел джинсы, верхняя часть его туловища осталась обнаженной.

– Тогда, может, познакомимся? Меня зовут Светозар. А вас?

– Эля... А что, вот так прямо и зовут, да – Светозар? Есть такое имя?

– Есть. – Хозяин улыбнулся, сверкнув белыми, ровными зубами. – Родители мои – большие оригиналы, вот и назвали... Был такой былинный русский богатырь. А вас так прямо и зовут, да – Эля? Кстати, присаживайтесь.

Я опустила на мягкое сиденье кухонного уголка и несмело подняла глаза на бога.

– Эля – это сокращенное от Элеоноры. А как же все-таки насчет квартиры? Вы говорили, что можете помочь.

– Да, у меня в соседнем доме живет приятель. Мы вместе учимся. Если вам ненадолго, он мог бы сдать свою квартиру и временно переехать ко мне. Ему, насколько я знаю, нужны деньги. Поэтому я и спросил вас: квартира нужна надолго?

Я томно вздохнула, закатив свои «голубые» глаза к потолку. Голубые линзы и парик платинового цвета, конечно, мне очень шли, так и Алина говорила. Накладные ресницы делали взгляд очень романтичным. Неужели я понравилась этому мальчику с фигурой атлета? И что теперь делать дальше? Моя задача – поставить «жучок» в его квартире, а не развлекать сказнями о проблемах недалекой девицы.

– Квартира мне нужна... ну... может, месяца на два. Или чуть больше. Ваш друг сможет сдать мне ее на такой срок?

– Не знаю, давайте у него об этом спросим.

Светозар встал и пошел в комнату. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Его апартаменты были устроены в интимном стиле. Большая двуспальная кровать у окна, на котором висели плотные шторы, не пропускающие в комнату много света. На кровати – персиковое атласное покрывало, небрежно разбросанные подушки. На полу – белый палас с большим ворсом. Напротив кровати – низкое кресло, застеленное тигровой шкурой. Платяной шкаф под старину притаился у противоположной от окна стены. Маленькая горка с посудой и всевозможными безделушками. Низкий журнальный столик с вазой, фруктами и порножурналом. Греческий бог взял с этого столика телефон.

– Артур, привет, это Зар. У тебя хату еще не сняли?.. Сняли? Когда успел сдать?.. Вчера... Да тут еще клиент выплыл. Вернее, клиентка... Ну, раз ты уже сдал... Пока!

Во время его разговора я поигрывала брелком от своего сотового. Вертела его в руках, потом «случайно» уронила на пушистый палас. Нагнулась, поискала его в длинном ворсе, нашла и, поднимая, успела засадить «жучок» под нижнюю полку журнального столика.

Светозар закончил говорить, отключил телефон и сказал извиняющимся голосом:

– Вот видите, не повезло: мой друг уже сдал квартиру.

– Что ж, очень жаль.

Я направилась к двери.

– Эля, подождите.

Я остановилась и вопросительно посмотрела на хозяина.

– У вас есть еще один друг с квартирой?

– К сожалению, нет. Но... Не сочтите мое признание за наглость... Вы мне понравились.

Я хотел бы познакомиться с вами поближе...

Греческий бог сделал шаг по направлению ко мне, а я – к двери.

– Извините, я не по этому вопросу...

– По какому «по этому»? Вы меня не так поняли... Эля, я не хотел вас обидеть, вы действительно мне понравились. Можно пригласить вас в кафе?

Ну, и что мне делать? Флирт с этим полуголым Светозаром в мой распорядок дня не вписывался. С другой стороны, я ведь подбираюсь к жене Епифанцева, а кто ближе к этой даме, как не ее бойфренд? Поломавшись немного для приличия, я позволила уговорить себя и согласилась прийти сегодня в два часа дня в кафе «Бьенвеню».

Но до двух надо где-то убить время. Ехать домой не хочется, да и незачем. Из двора сорокового дома я ушла пешком. Если мой новый знакомый следит за мной в окно, он не узнает, что у меня есть машина. Через несколько минут я вернулась, села в свой «Мини Купер» и включила «прослушку». Последнее я сделала на всякий случай, может, посчастливится услышать что-нибудь интересное. Но Светозар развлекал себя только музыкой, во всяком случае, других звуков до меня не доносилось.

От нечего делать я рассуждала на тему: «Было ли избиение Гульнары Ремезовой случайным?» С одной стороны, юнцы, почти подростки, бьют девушку явно не славянской внешности. Это почерк скинхедов, я согласна. С другой стороны, они затащили ее в машину, увезли в лес, изнасиловали и потом уже избили. Сильно смахивает на заказ. Если бы хотели просто поиздеваться или избить, сделали бы это там же, на пустыре. Зачем возить в лес и насиловать? Чем больше я рассуждала об этом происшествии, тем меньше оно мне нравилось. Нет, как хотите, но это не просто «шалости» борцов за чистоту расы. Надо будет встретиться с Гульнарой и поговорить обо всем этом еще раз.

Мои размышления прервал телефонный звонок, донесшийся из «прослушки». Похоже, Светозар взял трубку:

– Алло?... Я, солнышко, кто же еще?... Ну, что я еще могу без тебя делать?! Скучаю... Конечно, жду, когда мое солнышко опять ко мне заглянет... Да, готов, я всегда готов... Спасибо, Лизок, деньги пока есть... Нет, я, конечно, кое в чем нуждаюсь... Но, солнышко, не можешь же ты давать мне столько денег, сколько мне нужно!.. Ах, можешь?... Нет, это не срочно, умоляю, сегодня не приезжай, не рискуй... Лапуля, я боюсь, как бы твой монстр не узнал про нас... Нет, не рискуй, умоляю тебя!.. Да, потом, как сможешь... Да, и я тебя... И я тебя целую столько же... Всегда жду!

Секунда тишины, похоже, Светозар отключил телефон. И вдруг из «прослушки» донесся его вопль:

– Старая идиотка! «Лапуля» хренова! Чтоб тебе неделю с унитаза не слезать! Забодала своими визитами... дура...

Раздался грохот. Похоже, греческий бог что-то пнул в сердцах. Он еще какое-то время бормотал себе под нос проклятия, но голос его становился все тише, кажется, он удалился на кухню.

Вот тебе и любовь! Значит, мадам Епифанцева снабжала своего бойфренда деньгами, а тот еще был недоволен! Ну и крендель! Эх, дать бы ей послушать эту запись! А потом записать их «разборки», их, так сказать, словесную дуэль и дать послушать уже самому Епифанцеву.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Я снова услышала голос Светозара:

– Да!.. Артур? Привет!.. Ничего не делаю, балдею!.. Какой голос?.. А, да тут эта звонила, корова... Интересовалась, чем я без нее занимаюсь!.. Куда?.. Пиво пить? Нет, не могу... Да не поэтому! Я тут с одной цыпочкой познакомился – полный отпад! Блондинка! Фигура, мордашка – все при ней... Что?.. Нет, я ее в кафе пригласил... Ты что, обалдел?! Сначала девушку надо расположить к себе, а потом уже тащить в койку... Да есть деньжата, у меня ведь вчера корова в гостях была... Та самая, дойная!.. Вечером? Не знаю, как с цыпочкой получится. Может быть, вечером мы с ней в койке кувыряться будем!.. Да, это как уговаривать буду...

Тут Светозар разразился таким здоровым лошадиным ржанием, что у меня сразу пропала охота идти с ним в кафе. Он сквозь смех еще пару раз непристойно пошутил и отключился. Снова где-то далеко зашумела вода, похоже, он что-то мыл на кухне.

А это здорово, что я о нем столько полезного узнала! Ну и кто теперь скажет, что подслушивать нехорошо?

* * *

Народу в кафе было совсем немного. Светозар сидел за дальним столиком около большой искусственной пальмы. Он пил сок и поглядывал на входную дверь.

Когда я вошла, он поднялся и помахал мне рукой. Я приблизилась к моему мачо и окинула его оценивающим взглядом. А он оделся ничего: фирменные джинсы, сразу видно, что не ширпотреб, льняная рубашка оливкового цвета с коротким рукавом. Волосы так аккуратно уложены, что чувствовалась рука профессионала. Неужели в парикмахерской побывал? Одним словом, красавчик стал еще красивее.

– Эля, я был уверен, что вы придете!

– Хм, даже я не была в этом уверена...

С чего это такой восторг? Хочет произвести на меня впечатление с первой минуты? Мы сели за столик, взяли в руки меню.

– Эля, что вы будете?

Я принялась изучать блюда, а главное – их цены. Так, ничего дешевого не беру, это однозначно. Я на себе не экономлю, тем более когда за это платят другие. Закажу, пожалуй, салат с кальмарами, баклажаны, фаршированные по-французски, и курицу с грибами и фромажем, а на десерт – пирожное «шу». И все это удовольствие обойдется моему новому обожателю... Так, так... Ага, в хорошенькую сумму.

Я перечислила все выбранные блюда вслух, Светозар добавил к ним свои, и заказ был сделан. Надо заметить, что цены его как будто не смутили.

– Эля, скажите, а вы где работаете? Или вы еще грызете гранит науки?

– Ни то ни другое. Гранит я уже сгрызла, а вот работать мне кайфа не доставляет.

– М-м? На что же мы тогда существуем?

– Мы имеем свой маленький бизнес.

Глаза у Светозара как будто загорелись.

– Маленький?

– Ну, не совсем маленький...

– Ну, прибыль-то хоть приносит?

– А ради чего бы я тогда его держала!

Я старалась говорить как можно более загадочным тоном. Чем меньше мой новый воздыхатель будет знать обо мне, тем лучше. Конечно, этому ловеласу хочется выудить из меня как можно больше информации обо мне, но такой радости я ему не доставлю.

Нам принесли заказ, мы вооружились вилками.

– Эля, а в какой области вы работаете?

– А вам зачем?

– Интересно!

– А вот вы, Светозар, на кого учитесь?

– На финансиста. Точнее, моя специальность называется «Экономика и финансовое право».

– О! Это круто! Разбираетесь в вопросах бизнеса?

– Немного. При случае и вам мог бы дать дельный совет.

– Какой, например?

– Например, как более выгодно вложить деньги предприятия. У вас ведь есть доход с вашего бизнеса? Я могу подсказать, куда надо его вложить, чтобы приумножить ваши деньги.

– Что вы говорите! Да вы просто находка для бизнесменов! Ну, и куда, по-вашему, надо вкладывать деньги?

– В недвижимость. Она дает очень хорошую прибыль.

– То есть, если я покупаю какое-нибудь помещение...

– И размещаете в нем свой магазин, вы тем самым очень экономите на аренде, ведь за свое помещение вам не надо платить арендную плату! А если вы купите еще одно помещение и сдадите его кому-нибудь в аренду, то будете и с него получать прибыль. Самое главное, что за эти деньги вам не придется работать. Вы занимаетесь своим делом, а арендаторы сами приносят вам плату раз в месяц на блюдечке с голубой каемочкой.

– Красота! И никаких тебе оптовых закупок, и риска не продать товар, и налоговая не дергает каждый квартал! Вот так накопил побольше помещений – и сиди, кури бамбук, а деньги тебе сами идут!

– Конечно, – обрадовался будущий финансист.

– Да, весь вопрос только: где взять столько денег, чтобы покупать помещения! Недвижимость, она очень дорого стоит.

– Вы же занимаетесь бизнесом, Эля.

– Да, но он не дает такую прибыль. А просто копить деньги нет смысла: их съедает инфляция.

– Тогда покупайте то, что всегда остается в цене.

– Золото?

– Боже сохрани! Вернее, не покупайте новое золото. А вот старинные украшения, которые со временем только растут в цене...

Светозар принялся читать мне лекцию на тему об антиквариате, а я вспомнила, что говорил Антон Ярцев о жене Епифанцева: она скупает старинные украшения и прочий антиквариат. Не с подачи ли своего любовника?

– Вот посмотрите на это кольцо, – продолжал меж тем мой собеседник, – это довольно старая вещь. Предположительно, конец девятнадцатого – начало двадцатого века.

Светозар поднес к моим глазам свою руку, на среднем пальце которой красовался массивный мужской перстень.

– Лет десять назад моему отцу предлагали за него двадцать тысяч рублей, и тогда это были неплохие деньги. А сейчас?

– Что сейчас? – не поняла я.

– Сейчас уже мне предлагают за него... сколько бы вы думали?

– Пятьдесят тысяч? – «ляпнула» я наобум.

Светозар снисходительно улыбнулся. Наверное, я развеселила его своей наивностью и некомпетентностью.

– Сейчас мне предлагают двести тысяч. Рублей, конечно, но подумайте, как оно выросло в цене! И с годами будет дорожать еще, поверьте мне.

– Да-а... – протянула я восторженно.

– Надеюсь, такие вложения вы сделать в состоянии?

– Такие – пожалуй...

– Тогда, если надумаете купить что-нибудь старинное и уникальное, так сказать раритет, обращайтесь ко мне, – предложил Светозар.

– У вас есть антикварный магазин? – удивилась я.

– У моего друга.

Это было сказано так наигранно небрежно, но подтекст был однозначный: знайте, мол, *какие* у меня друзья! Не так себе, не хухры-мухры, а антиквары!

– Светозар, а вы не боитесь носить такой дорогой перстень? Все-таки двести тысяч...

Античный бог посмотрел на меня снисходительно.

– Я ничего не боюсь, – сказал он без тени скромности. – А если уж носить что-то, то исключительно добротное или уникальное. Вот сколько, по-вашему, стоит моя рубашка?

Я внимательно рассматривала его льняной хитон. Не оплошать бы снова. Назову на всякий случай цену побольше.

– Пятьсот рублей.

– Почти угадали. Восемьсот. Вы посмотрите, какое качество! Строчка ровная... Посмотрите, какие швы... Это же настоящая Польша, не подделка. А материал? Чистый лен. На теле почти не ощущается.

– У вас, Светозар, наверное, родители богатые. Вон как вас одевают! Да и перстень...

– Эля, вы можете мне не верить, но мои родители из деревни, и они очень бедны. Перстень... Да, это наследство отца, но это все, что у него было ценного. А обеспечиваю я себя сам. И учебу в институте оплачиваю, и квартиру снимаю, которую вы видели... Да и кормлю себя давно сам.

– У вас тоже свое дело? – спросила я, наивно хлопая накладными ресницами.

– Можно сказать и так. Только не спрашивайте, какое, мой бизнес полулегален. Конечно, я не торгую наркотиками, просто помогаю другу-антиквару вести его дела.

Знаю я, какие твои дела. Тянешь деньги с богатой дамочки, ублажая ее в постели, – вот и весь твой бизнес.

Мы посидели еще немного, поговорили о драгоценных камнях, старинных украшениях и тому подобном. Потом Светозар расплатился, мы вышли из кафе.

– Эля, вы сейчас куда намерены пойти?

– Вообще-то мне надо смотаться кое-куда по делам...

– Что значит «вообще-то»? Можете не мотаться?

– Нет, надо кое-куда съездить. Дела...

– Понятно. А я хотел пригласить вас к себе... на чашечку кофе.

– Неужели? – «удивилась» я.

– Эля, только вы не подумайте, я...

– Уже подумала! Пригласили девушку в кафе, так теперь думаете, что можно ее и в койку затащить?! Извините, я не из таких! А если вы считаете, что напрасно накормили меня, так я могу и деньги вернуть!

С этими словами я полезла в сумочку.

– Нет, нет, что вы! Эля, какие деньги! Мне доставило удовольствие посидеть с красивой девушкой, оказавшейся к тому же и отличным, умным собеседником.

А он льстец. О чем это таком уж умном мы говорили? Хочет сделать комплимент, подлизывается. Насчет койки прокол вышел – нечем теперь будет другу хвастать. Я перестала рыться в сумочке.

– Понимаете, Светозар, я – девушка несовременная. Я после двух часов знакомства к молодому человеку домой не пойду, культурные мероприятия такого рода не для меня.

– Я так и понял. Только вы, Эля, напрасно так думаете обо мне. Я вас в постель тащить не собирался и ваш взгляд на отношения полов одобряю, поверьте. Я думаю, кофе у меня дома мы еще попьем, и вы убедитесь, что я не такой, как все. А пока разрешите проводить вас... куда, кстати?

– Никуда меня провожать не надо. Я сейчас на автобус сяду.

– А телефончик дадите?

– Своего нет?

Светозар улыбнулся, оценив шутку. Мы сошлись на том, что пока только он дает мне номер своего телефона, и мы расстались.

Глава 4

Да приеду я к тебе, обязательно приеду, только чуть позже. Камеру-то надо как-то установить. Так что наберись терпения, мой былинный герой. Черт, а он действительно красив. Даже в рубашке, из-под которой выпирают мышцы. Кожа у него бронзовая, загорелая, сам высокий и стройный. Обычно такую фигуру имеют люди, занимающиеся тяжелой атлетикой. Или плаванием. Похоже, этот мой новый поклонник несколько лет был в профессиональном спорте. Как-нибудь спрошу у него при случае об этом. И одевается, надо признать, дорого и со вкусом.

Да, красив-то красив, только вот очень кичится своими связями. Терпеть не могу хвастливых мужиков! «Вот сколько, по-вашему, стоит моя рубашка?» Видно, конечно, что вещь добротная, но зачем же это выставлать напоказ?

«Я ничего не боюсь!» Ну, это, дорогой, ты врешь. Каждый человек чего-нибудь боится.

Мой «Мини Купер» вез меня домой. Я уже миновала охрану и въехала в коттеджный поселок, когда мобильник заиграл знакомую мелодию. Дядя Сережа! Я припарковала машину у обочины и включила телефон.

– Алло?

– Полина? Здравствуй.

– Здравствуйте, Сергей Дмитриевич! Есть для меня новости?

– Есть, конечно. Узнал я тут кое-что про твоего Епифанцева. Темная он личность. И с законом не в ладах.

– Да? В чем это выражается?

– Одна областная фирма-поставщик отправила его колбасному цеху несколько тонн мяса. А он ее кинул: прошло уже достаточно много времени, деньги Епифанцев не переводит. Они с ним судились, потом дело было передано в прокуратуру, но там и умерло. А еще у налоговиков к нему кое-какие претензии. В прошлом году он недоплатил налогов на сумму более миллиона рублей.

– Ого! И при этом спит спокойно и продолжает кидать все новых простаков.

– Да. Кстати, с ним еще судились фирма по озеленению и фирма по устройству фонтанов. А еще он должен одному «ипэшнику», продающему мясникам соевую добавку и консерванты...

– Да, наш «колбасник», похоже, вошел во вкус.

– В общем, если бы все эти просьбы были удовлетворены, Епифанцеву пришлось бы выплатить порядка десяти миллионов рублей.

– Теперь понятно, как был построен его трехэтажный особняк. Экономия – большое дело!

– Есть подозрения, что у твоего «колбасника» в прокуратуре сидит свой человек: все дела, попадая туда, «замораживаются». Так, далее, супруга нашего находчивого предпринимателя. Эта дама – большая любительница антиквариата: скупает, если не все старье в городе, то приличную часть. Ее интересы очень широки: старые иконы, церковная утварь, картины, книги, драгоценности дореволюционного времени. Похоже, дома у них целый музей этого добра.

– А что-нибудь насчет «порочащих связей»?

– Сказать не берусь. Знаю одно: женщинам такого склада трудно удержаться в рамках приличий.

– А вот мне известно, что Епифанцева ездит к молодому любовнику на улицу Бабушкина, дом сорок. Там в квартире номер сто шесть живет один красавец, былинный богатырь по имени Светозар.

– Замешан в чем-нибудь?

– Скорее всего. Думаю, это он надоумил мадам Епифанцеву приобретать антикварные вещи. Говорит, что у него есть друг – антиквар. Бабушки-соседки шепнули мне по секрету, что Светозар этот – студент. Но для простого студента живет он довольно шикарно. Я видела его квартиру, которую он снимает: уютное гнездышко. По его же словам, родители у него бедные, прозябают в деревне, так что проживание да и другие капризы оплачивает ему, скорее всего, Елизавета Андреевна... Что еще, дядя Сережа?

– Интересны так же детки этих Епифанцевых. Сын замечен в связи с местными скинхедами. Адрес этих «оторвяг» тебе нужен?

– Да, конечно!

– Запоминай: улица Олимпийская, двадцать два. Это спортивный комплекс. В одном из павильонов скинхеды зарегистрировали свою организацию как военно-спортивный клуб молодых патриотов. За старшего у них – некто Горлов Владимир Филиппович. Бывший военный. Насколько я знаю, студент Виктор Епифанцев часто посещает это заведение и считается одним из лучших его членов, а его папаша – чуть ли не спонсор этого клуба. Так, теперь дочь Варвара. Эта тоже, как говорит молодежь, с выкидонами. Кажется, она попала в полулегальную секту «Вселенская любовь». Чем там занимаются, остается только догадываться. Секта не просто закрытая – очень закрытая. Попасть туда постороннему практически невозможно.

– Но девочке, насколько я знаю, лет семнадцать, не больше.

– Да, она только что окончила школу. Так секта и рассчитана в основном на молодежь.

– А существует, конечно, на членские взносы?

– Как и большинство организаций подобного рода. Хотя не исключены и богатые спонсоры.

– Достойные дети своего отца! Это все сведения?

– Да, как говорится, что удалось нарыть.

– Дядя Сережа, спасибо вам. Что бы я без вас делала?

– Сидела бы дома, читала французские романы и вышивала крестиком.

– Это вряд ли. Нашла бы другое развлечение.

– Ты, Полина, поосторожней там со своим развлечением. Эти скинхеды – серьезные ребята, они не только глотки дерут. В городе время от времени происходят избиения людей неславянской внешности. Зафиксировано несколько случаев серьезных травм и увечий.

– Я в теме. Спасибо за предупреждения и сведения.

– Давай, мисс Робин Гуд! Удачи тебе!

Дома я рассказала Арише, как познакомилась со Светозаром, как пообедала за его счет, что рассказал мне дядя Сережа только что по телефону, а также о совете моего нового поклонника покупать антиквариат.

– Вот скажи мне, Полетт, что это за работа такая у молодого человека – быть на содержании у дамы, так сказать, второй половины расцвета?

– Может, он ничего другого не умеет? А жить-то надо! Да еще учиться.

– Ты его оправдываешь? Ма шер, кэ дит-ву? (*о чем вы говорите?*).

– Дедуля, я ни в коей мере не оправдываю этого жиголо, просто пытаюсь стать на его место. Приехал мальчик из деревни – учиться хочет, а денег нет... Скажи ему спасибо, что он воровать не пошел.

– Но охмурять немолодую женщину, которая годится ему в матери! Согласись, Полетт, сэ трэ маль! (*это очень дурно*).

– Может, это она его охмурила. Мы ведь не знаем, как там оно вышло... Нас интересует результат, а он таков: мадам Епифанцева, которую пылкий влюбленный называет дойной короной в ее отсутствие, разумеется, содержит молодого человека да еще с его подачи покупает

драгоценности у его друга. Значит, заплатить за пруд Ремезову не хотят, а покупать всякие побрякушки – это пожалуйста! Веселая семейка! Что ж, придется обрадовать ее главу известием о похождениях его дражайшей половины. И кажется, все-таки мне пригодится камера Вити Шилова.

– Полетт, ты купила камеру?

– Да, дедуля, я тебе еще не успела сказать. «Жучок» влюбленному студенту я уже подсадила, а вот с установкой камеры, боюсь, будет сложнее. Придется-таки пойти к нему в гости на чашечку кофе.

– Возьми с собой на всякий случай пару таблеток снотворного. И баллончик со слезоточивым газом.

– Да, дедуля, это хорошая мысль. Обязательно возьму. А еще пистолет и боевую гранату. Так, на всякий случай. А в машине мне давно пора базуку возить...

– Зря иронизируешь, Полетт. Я тебе не рассказывал? Рома Ковалевский в казино на днях рассказал такой случай...

– Дедуля, подожди с Ромой. Знаешь, что меня смущает? Стоило мне сказать, что у меня свой бизнес, как Светозар заинтересовался им, выспрашивал, какой именно, а затем настоятельно рекомендовал мне вкладывать деньги в старинные драгоценности. Как он потом объяснил, он помогает другу-антиквару в его делах. Я думаю, он имеет с этого свой процент.

– А иначе с чего бы так старался?

Я покормила Аришу разогретыми в микроволновке котлетами-полуфабрикатами, а потом поднялась к себе в комнату и взяла в руки саксофон. Этот инструмент обладает уникальными музыкальными возможностями: бархатным тембром, глубиной и выразительностью звучания. Он может быть строгим и поэтичным, серьезным и экспрессивным.

Я играла одну из мелодий Луи Армстронга. Этот гениальный музыкант, трубач и певец джаза создал исполнительский стиль, отличающийся импровизационной свободой трактовки популярных мелодий, основанных на традициях блюза. Я знала, что в кухне Ариша затаив дыхание слушает мое исполнение, и постаралась доставить деду удовольствие.

* * *

Вечером нагрянула Алина. Она ворвалась в мою комнату как ураган и с порога засыпала меня вопросами:

– Ты Устав прочитала? Все поняла? Заявление написала?

Ее бы энергию да в мирных целях!

– Нет, Алин, прочитать пока не успела...

– Как не успела?! И заявление не написала? Чем ты тут вообще занимаешься?

– Я потом все прочитаю и напишу, – честно пообещала я.

– Когда потом? Завтра в пикет идти!

– Какой пикет?

– Как какой? На улице Олимпийской, возле спортивного комплекса. Там...

– Знаю. Скинхеды зарегистрировали свою организацию как военно-спортивный клуб молодых патриотов. За старшего у них – Горлов Владимир Филиппович. Бывший военный.

– Откуда знаешь? – с подозрением спросила Алина. – Это вообще-то секретные сведения.

– В Интернете прочитала. Так что вы там хотите организовать?

– Ну, такая своего рода акция протеста... В общем, мы встанем с транспарантами типа: «Нацизму – нет!» или «Смерть расизму!».

– Думаю, вряд ли скинхеды оценят ваш благородный порыв по достоинству.

– Еще бы! Ребята из нашего движения говорят, что в прошлый раз была такая заварушка! Кончилось все обыкновенным мордобоем и милицией...

– Зачем же вы тогда снова лезете на рожон? Опять кому-то сломают носы и свернут скулы, а толку-то? Думаешь, от ваших лозунгов у них проснется совесть и они закроются?

– А ты что предлагаешь? Спокойно проходить мимо? Смотреть, как они избивают этих... которые на базаре торгуют? Ты знаешь, что вчера там опять была потасовка, и двум азербайджанцам пробили головы? Между прочим, в больницу попало несколько человек!

– Да, это, конечно, скверно, но, боюсь, одним вашим митингом проблему не решить. Наши отцы города куда смотрят? Вы к ним обращались?

– Полин, а что они могут сделать? Организация этих уродов существует легально, они даже налоги платят исправно, один из наших говорил, он в налоговой инспекции работает.

– Алина, я, конечно, не знаю, дело ваше, но, вот посмотришь, завтра еще несколько человек загремят в больницу, а скинхеды так и будут маршировать в своем клубе и вскидывать руки, приветствуя очередного «фюрера».

– Да мы хоть что-то делаем, а такие, как ты... обыватели отсиживаются по своим норам и молчат. Ну, хоть членские взносы заплати! Хоть какая-то польза от тебя будет!

– Сколько?

Алина назвала вполне приемлемую сумму, я достала кошелек. Подруга все равно не отцепится, а так хоть есть возможность откупиться от нее.

– Хочешь совет, как разогнать ваших скинхедов без потерь с вашей стороны?

Алина уставилась на меня своими большими голубыми глазами.

– А такое возможно?

– Возможно. Надо дискредитировать их организатора. Любая банда спланируется вокруг главаря, вокруг остова. Если этот остов убрать, вся организация, скорее всего, развалится. У ваших скинхедов наверняка есть такой лидер, за которым пошли остальные. Он – как вождь в стае. Есть вождь – стая бежит за ним. Убери вожака – в стае начинается разброд.

– Да? – Алина смотрела на меня с сомнением. – Я, конечно, скажу своим... Но ты к нам все равно примкни: на митинги, так и быть, можешь не ходить, только членские взносы плати.

– Ладно, согласна.

Мы с подругой спустились в кухню попить кофейку.

– Слушай, Алина, ты, кажется, увлекалась когда-то наукой, изучающей магию чисел.

– Ну, было такое. А что?

– Можешь сказать: число «789», с точки зрения этой самой науки, что означает?

– Смотря, где эти цифры находятся.

– Номер машины.

– Хороший номер. Семерка – магическое число, дает защиту и покровительство владельцу. Восьмерка означает удачу в бизнесе, а девятка... Так, сейчас вспомню... А, ну да, она дает здоровье и долголетие. Вообще, очень важно, что эти числа идут по восходящей. Такое удачное сочетание очень благотворно сказывается на бизнесе и личной жизни. А у кого такой хороший номер?

– Да так, у одного предпринимателя...

– Думаю, его дела идут очень хорошо.

– А у его супруги номер машины – три двойки.

– Это означает, что ей будет сопутствовать удача в любовных делах. Скажи, а они осознанно выбрали такие номера или это случайное совпадение?

– Этого я, к сожалению, не знаю.

Мы с Алиной поболтали еще немного, и вскоре она уехала готовиться к завтрашней акции протеста. А я поднялась к себе в комнату, улеглась на диван и принялась обдумывать, что мне делать дальше. Я вышла на любовника мадам Епифанцевой. С его помощью я хочу устроить в семье «колбасника» небольшой раскардаш. Конечно, Елизавета Андреевна женщина эксцентричная, любит острые ощущения. Еще бы! Ездить по салонам – это кайф, а иметь

любовника – это уже, извините, драйв. Ну, раз ей это нравится, придется устроить ей коктейль драйва. Уж извините, мадам, что вас приходится приносить в жертву, просто я не знаю другого способа воздействовать на вашего непорядочного супруга.

* * *

Через час мне позвонила Гульнара:

– Полина! Здравствуйте. Завтра утром я забираю мужа из больницы.

– Игната выписали?

– Да. Только его состояние все еще оставляет желать лучшего. Врачи прописали ему такие дорогие лекарства... И еще покой. Полный покой. А он по выписке собирается опять идти в прокуратуру, добиваться правды. Я ему говорила, чтобы он эту затею оставил, здоровье дороже, но он не слушает. Хочет получить с Епифанцева деньги, опять раскручивать свою фирму, ребят вернуть...

– Гульнара, очень не хочется вас огорчать, но, боюсь, это бесполезно. Говорят, у Епифанцева в прокуратуре свой человек, так что все старания Игната, скорее всего, ничего не дадут.

– Я это давно поняла. Только не знаю, как объяснить мужу. Он такой наивный! Верит, что правда восторжествует.

– Вы хотите, чтобы я его отговорила?

– Да. Вас, как человека постороннего, он, возможно, послушает.

– Я, конечно, попробую, но не обещаю, что у меня получится.

– И еще, Полина, я прошлый раз не все рассказала вам... Ну, про то, как меня увезли те подростки...

– А что не рассказали?

– Я, конечно, плохо помню машину, в которую меня запикивали, но, по-моему, это была светлая иномарка, только какая именно, я не могу сказать.

– Светлая? А точнее? Белая, серая, бежевая?..

– Только не белая, не совсем белая, но, может быть, бежевая или кремовая.

– Понятно. Номера, конечно, не видели?

– Что вы, какой номер! Я даже лиц этих подростков не видела. Меня били по голове, я пыталась отворачиваться... Видела их только мельком, но все они были молодые, и взгляд у всех презрительный и нахальный, что ли... А еще, когда меня везли в машине в лес, меня затолкали на заднее сиденье. А на переднем, рядом с водителем, сидела девушка.

– Девушка? Так там, кроме четырех подростков, был кто-то еще? Вы в прошлый раз мне об этом ничего не говорили.

– Да, впереди сидела девушка. Она только один раз обернулась ко мне и усмехнулась. А потом, в лесу, когда меня били и насиловали, она стояла неподалеку и, кажется, снимала все на камеру...

– На сотовый?

– Нет, в том-то и дело. У нее в руках было что-то большое, черное, похожее на видеокамеру. Я, конечно, видела мельком, но меня поразило, как она относилась ко всему происходящему. Она смотрела с интересом, а снимала, как заправский телеоператор, заходила с разных сторон...

– Вы, Гульнара, следовательно это рассказывали?

– Да, но лучше бы я этого не делала!

– Почему?

– Он сказал, что этого просто не может быть, что я все придумала...

– Что за чушь?! Почему придумали?

– Не знаю, но он не поверил...

– Это, конечно, проще всего. Если проблему не признавать, то и решать ее не надо... Хорошо, я возьму эти сведения на заметку.

Я отключилась и подумала: ну вот, теперь еще какая-то девушка вылезла, любительница снимать ужастики. И чего им всем неймется? Жили бы себе тихо-мирно, никого не трогали. Тогда их тоже никто не трогал бы.

Вечером, когда солнце село, жара спала, и на город понемногу начали опускаться сумерки, я поняла, что мне на месте никак не сидится. Так и подмывает поехать к дому моего нового обожателя Светозарчика, любителя всякой старины.

Я поставила мой «Мини Купер» под его окнами и включила «прослушку». А у красавчика кто-то был в гостях. Долгое время до меня доносилось сквозь музыку лишь бормотание мужских голосов. Разобрать, о чем говорили друзья, было трудно. Но вот музыка смолкла, очевидно, диск кончился. Какой-то незнакомый мне голос сказал совершенно отчетливо:

– Да не включай ты больше свою шарманку, надоело!

– Ничего ты, Мишаня, не понимаешь в музыке. Это же Френсис Гойа!

– Да мне хоть Гой, хоть гей – я такую заунывную не люблю. Мне подавай такую, чтоб под нее можно было с девочками «зажигать»! А под эту только старых дев хоронить.

– Это же лирическая мелодия, Мишаня! Композиция на тему любви! Ты знаешь, как под эту музыку хорошо в постели с девочками! Они под такие мелодии млеют...

– Это только твоя старая дойная корова небось млеет. А у меня девчонки – огонь! Им надо что-то типа Верки Сердючки: «Хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо, я это знаю!..» Давай просто в тишине посидим. У меня после вчерашнего до сих пор башка трещит!

– Не умеешь ты, Мишаня, пить! Зачем опять пиво с водкой мешал? Знал ведь, что утром помирать будешь.

– Так то утром! До него еще дожить надо! Зато как вчера было хорошо!.. «Хорошо, все будет хорошо...».

– Тогда не на рыбу, а на пиво налегай.

– Зар, не учи, а? Лучше принеси еще бутылочку из холодильника, небось остыла уже.

Через минуту звякнуло стекло, должно быть, Светозар, ставя бутылку на стол, задел стакан.

– Как же это ты не смог свою новую телку уговорить на чашечку кофе? С твоим-то талантом!..

– Не все сразу! Уговорю, не сомневайся!

– Как, ты сказал, ее зовут? Эля?

– Да, Элеонора. Нажимать на нее нельзя: может сорваться с крючка. А у этой девочки свой бизнес, хоть и маленький, как она говорит.

– У нее маленький, а у тебя большой, – заржал собутыльник Светозара.

– Главное, что она согласилась покупать цапки у Терентия. Теперь мои проценты возрастут.

– Да, Зар, хорошо иметь такую внешность: все бабы на тебя западают! А тут...

– Зато твой бизнес не зависит от капризов старой идиотки... Все, не наливай мне больше! Остальное допивай сам.

– А что так?

– Большое количество алкоголя плохо сказывается на внешности, а она мне еще нужна. Она у меня – почти что рабочий инструмент.

– У мужика не только внешность рабочий инструмент, – опять заржал гость Зара, – сейчас мы выпьем еще по стаканчику пивка и я объясню тебе, что у мужика настоящий рабочий инструмент!

Хозяин никак не отреагировал на пошлые шутки гостя, во всяком случае, я не услышала его ответ. В скором времени остряк-самоучка и вовсе стал собираться восвояси. Светозар не удерживал его. Они попрощались, я слышала, как хлопнула входная дверь, а через пару минут из подъезда вышел молодой парень в шортах, майке и шлепках на босу ногу и, засунув руки в карманы, двинул в сторону дороги. Да, ну и друзья у Зара!

Посидев еще некоторое время в машине и ничего больше не услышав, кроме вновь включенной композиции Френсиса Гойа, я отправилась домой.

Проезжая мимо мусорных баков около какого-то магазина, я вдруг заметила моих старых знакомых – бомжей Васю и Люсю. Эти неунывающие ребята рылись в баке с таким деловым видом, словно от их успешной деятельности зависела судьба всех жителей города. Я притормозила и наблюдала за ними какое-то время. Вот Люся нашла пакет с тряпьем, растормошила его, выудила какой-то пестрый летний пиджачок, примерила на себя. Обнова, как видно, показала ей вполне приличной, Люся продолжала копаться в баке. Я окликнула ребят и подозвала их к себе. Первым меня заметил Вася и подскочил к машине:

– Привет, мадам!

Хотя я была в гриме, и моя теперешняя внешность сильно отличалась от моей настоящей, но бомжи к этому давно привыкли и узнавали меня под любой личиной.

– Здравствуй, Вася. Люсю позови, а то что-то она так увлеклась, ничего не видит вокруг.

Вася свистнул, его подруга подняла на него глаза.

– Подь сюды!

Люся подошла к нам, поздоровалась, шмыгнув носом.

– Слушайте, ребята. Вы спортивный комплекс на улице Олимпийской знаете?

Бомжи переглянулись, усмехнулись:

– Знаем! Там за ним такая свалка конкретная! Мы туда иногда наведываемся...

– А как насчет заработать?

– Так мы – всегда!.. Как пионеры!..

– Тогда слушайте меня внимательно. Вот вам по сотке – это аванс. Если сделаете то, о чем попрошу, получите еще по две...

– На рыло? – уточнила Люся.

– Разумеется. Так вот. Пойдете завтра туда, найдете здание, на котором написано: «Военно-спортивный клуб молодых патриотов». Запомнили?

– Молодой клуб патриотов... – попытался повторить Вася.

– Спортивных патриотов, дурак, – подсказала Люся.

– В общем, увидите, где маршируют ребята в военной форме, – вот это и есть тот клуб. У них может играть марш, похожий на фашистский. Походите там во дворе, пособирайте у них бутылки и всякий мусор, а заодно послушайте, о чем они говорят. И, главное, узнайте, по какому графику они работают. Ну, когда приходят, когда уходят. Прикиньте так же, сколько их там, хотя бы приблизительно.

– А если они нас прогонят? – засомневалась Люся.

– А вы им скажите, что стали бездомными из-за лиц кавказской национальности, тогда точно не прогонят, – успокоила я ее. – Кстати, завтра там ожидается интересное мероприятие. Против этих ребят будут митинговать другие ребята, так что там завтра ожидается небольшая потасовка.

– О! Это мы любим, – обрадовался Вася, потирая руки. – Люсь, ты за кого будешь болеть?

– Ставлю свою сотку на спортивных патриотов! – закричала Люся.

– Тогда я свою на тех, которые митинговать будут!

Бомжи ударили по рукам.

– Ребята, встречаемся завтра на этом же месте в это же время, не опаздывайте, – я выжала сцепление и отправилась домой.

Глава 5

Утром первым позвонил мой друг Антоша Ярцев. Я только открыла глаза и, лежа в постели, размышляла, нужно ли мне уже вставать или можно поваляться еще, как его звонок не оставил мне выбора.

– Полина! Не разбудил?

– Нет, что ты! Я давно на ногах.

Ярцев был ранней пташкой, поэтому мне пришлось покривить душой, чтобы не упасть в его глазах.

– Угадай с трех раз, кому я звонил вчера вечером с предложением написать статью о его предприятии?

– Неужели Епифанцеву?

– Ну, Полин, с тобой неинтересно! Ты все знаешь, тебя даже удивить невозможно...

– Нет, почему же, я как раз очень удивлена! И что ответил наш «колбасник»?

– Представь себе, он «с кондачка» такие вопросы не решает. Ему надо было подумать, с товарищами посоветоваться... Потом он таки согласился, но уточнил, сколько это будет ему стоить.

– И какую сумму ты назвал?

– Полин, ты что? Я ведь не хвалебную оду ему пишу, я собираюсь обнародовать о нем правду. Я отказался от денег, а он, кажется, заподозрил что-то неладное... Тем не менее я напросился в цех для осмотра его владений.

– Антон, возьми меня с собой!

– В качестве кого?

– В качестве твоей помощницы. Или стажера, или как там у вас это называется... Возьми в качестве кого угодно! Мне это очень нужно!

– Это называется должностное преступление, с моей стороны, а с твоей...

– Да ладно! «Преступление»! Я что, бомбу собираюсь подложить под его цех? Или его предприятие – секретный стратегический объект районного значения? Антош, ну возьми, мне о-очень нужно!..

– Хорошо, только не канючь. Я подумаю, как это лучше сделать. Епифанцев скоро должен позвонить, уточнить время, когда можно будет появиться в его цехе.

– Антош, скажи ему, что возьмешь с собой стажера, пожалуйста!

– Тогда на тебя документ нужен, о том, что ты – стажер.

– А тебе слабо такой достать?

– А тебе слабо коробку конфет и банку хорошего кофе для нашей секретарши?

– А ей-то за что?

– Ей придется незаметно подсунуть на подпись главному справку о твоей стажировке...

– Легко!

– Ну, тогда и мы сдюжим!..

Ровно в два часа дня, в самое пекло, мы с Антоном стояли у ворот колбасного цеха. Я была в мини-юбке, довольно открытой майке, больших солнечных очках и на таких каблуках, что у самой голова кружилась, когда смотрела вниз. Антон сначала начал ворчать по поводу моего внешнего вида, но я объяснила ему, что это отвлекающий маневр, так надо для дела, и он успокоился. Мы открыли дверь и оказались в проходной.

– Ваши документы! – Вахтер в пятнистой форме смотрел на нас строго. У него на поясе были кобура и дубинка. А здесь все серьезно, подумала я.

Антон показал свое удостоверение и мою справку о том, что я, Катя Петрова, стажер, будущий журналист, прохожу практику в редакции газеты «Горовск сегодня». Вахтер рассмотрел сначала Ярцева, потом меня, но в мои документы он глянул мельком, в основном пялился на мое декольте.

– Это насчет вас звонили из дирекции? – уточнил он, хотя вопрос, по-моему, прозвучал просто глупо.

– Да, и нас там очень ждут...

– Проходите. Дирекция – там, – указал вахтер на небольшое двухэтажное здание, видневшееся за стеклом проходной.

– Спасибо! – в один голос сказали мы с Антоном и вышли через белую пластиковую дверь во двор колбасного цеха.

Он был очень большим. Слева расположилось, как я уже говорила, здание дирекции. Перед нами был первый корпус цеха, справа – второй, за ними тянулись склад и еще какие-то здания.

– Это у него колбасный цех такой? По-моему, это целый мясокомбинат, – заметила я. – Во всяком случае, по площади он равен городу Парижу.

– Ну, Парижу, не Парижу, а территория внушительная.

– С чего начнем?

– С дирекции. Без разрешения Епифанцева нас все равно никуда не пустят.

Епифанцев сидел в своем кабинете, в который нас не пускала секретарша.

– Игорь Дмитриевич занят, – охладила она наше горячее желание проникнуть к нему.

Антон не выдержал и позвонил Епифанцеву со своего мобильного, коротко объяснив ситуацию. Тотчас же раздался его голос из селектора, стоящего на столе секретарши:

– Маргарита, пропусти журналистов ко мне!

Девушка вскинула на нас глаза и, встав, открыла дверь в кабинет своего начальника:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.